

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**1 (45)
2025**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-86391 от 11 декабря 2023

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2025

Корректор

О. В. Балашова

Верстка оригинал-макета

Л. В. Макаровой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

Владимирский государственный

университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 05.08.25

Заказ № 15946

Выход в свет 18.08.2025

Бесплатно

Формат 70×108/16

Усл. печ. л. 8,60

Тираж 500 экз.

Издательство

Владимирского государственного

университета имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано с готового

оригинал-макета

в типографии ООО «Аркаим».

600017, г. Владимир, ул. Кирова, 14 Г

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института ВлГУ (главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения ВлГУ (зам. главного редактора серии)
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>А. Ю. Бендин</i>	доктор ист. наук, профессор кафедры бого- словия Института теологии БГУ (Беларусь)
<i>И. Деретич</i>	доктор философии, профессор кафедры фило- софии Белградского университета (Сербия)
<i>М. П. Жигалова</i>	доктор пед. наук, профессор кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Брестского государственного технического университета (Беларусь)
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор, зав. кафедрой исторического регионоведения СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапишина</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ
<i>Ж. В. Латышева</i>	доктор филос. наук, доцент зав. кафедрой ЖРСО ВлГУ
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор ректор МПГУ
<i>А. В. Марков</i>	доктор филол. наук, профессор профессор кафедры кино и современного искусства РГГУ
<i>Н. М. Маркова</i>	кандидат филос. наук, доцент, зам. директора Гуманитарного института ВлГУ
<i>С. А. Мартыанова</i>	кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной филологии ВлГУ
<i>Ю. Г. Матушанская</i>	доктор филос. наук, профессор профессор кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ
<i>А. С. Минаков</i>	доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России МПГУ
<i>С. С. Новиков</i>	доктор ист. наук, доцент профессор кафедры теории и истории государства и права ВлГУ
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка ВлГУ
<i>Л. В. Рацибурская</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка и общего языкознания ННГУ
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России Средних веков и Нового времени ГУП
<i>В. В. Сердечная</i>	доктор филол. наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения КубГУ
<i>А. С. Тимошук</i>	доктор филос. наук, доцент профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России
<i>Т. Е. Шаповалова</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГУП
<i>А. В. Ляпанов</i>	кандидат ист. наук, доцент доцент кафедры истории России ВлГУ (отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Д. А. Булюкин

Особенности проведения избирательных кампаний
в Государственные думы России в 1906 – 1917 гг. (на материалах
Костромской и Ярославской губерний)..... 7

В. В. Гурина

Организационные вопросы деятельности мировых судей
во второй половине XIX в. (по материалам Московской губернии)..... 12

Е. В. Ларина

Организация летних школ в фабзавуче Московской губернии
в 1920-е гг. 21

ФИЛОЛОГИЯ

Е. А. Кузнецова, Е. А. Фадеева

Топоформант *-их(а)* в ойконимии Владимирской области 27

Н. А. Сафронова, Д. Э. Искандарова

О функционировании в русском языке имён существительных,
обозначающих профессии..... 31

О. И. Соколова, Р. В. Барахов

Пояснительная конструкция как форма авторского присутствия
в тексте 36

ФИЛОСОФИЯ

И. А. Семенов

К вопросу о централизации мусульманских общин в Российской империи
начала XX века 44

А. С. Тимошук

Индия: диалектика модернизации..... 48

М. О. Фролов, В. А. Ерофеева

Философский базис современного технологического общества –
историографический обзор 59

М. О. Фролов, В. А. Ерофеева

Современные философские подходы в рамках изучения техносферы 65

Сведения об авторах..... 71

CONTENTS

HISTORY

D. A. Bulyukin

The Specifics of the Election Campaigns to the State Dumas of Russia
in 1906 – 1917 (Based on the Materials from the Kostroma
and Yaroslavl Provinces) 7

V. V. Gurina

Organizational Issues of Justices of the Peace Activity in the Second Half
of the 19th Century (Based on the Materials of the Moscow Province) 12

E. V. Larina

Summer Schools Organization for Factory Apprenticeship at the Moscow
Province in the 1920s..... 21

PHILOLOGY

E. A. Kuznetsova, E. A. Fadeeva

Topoformant -ih(a) in the Oikonymy of the Vladimir Region 27

N. A. Safronova, D. E. Iskandarova

On the Functioning of Nouns Denoting Professions
in the Russian Language 31

O. I. Sokolova, R. V. Barakhov

Explanatory Construction as a Form of Author's Presence in the Text..... 36

PHILOSOPHY

I. A. Semenov

On the Centralization of Muslim Communities in the Russian Empire
at the Beginning of the 20th Century 44

A. S. Timoshchuk

India: the Dialectics of Modernisation..... 48

M. O. Frolov, V. A. Yerofeeva

The Philosophical Basis of Modern Technological Society –
a Historiographical Review 59

M. O. Frolov, V. A. Yerofeeva

Modern Philosophical Approaches Within the Study
of the Technosphere 65

Information about the authors 73

УДК 94(470) «18»

Д. А. Булюкин

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ РОССИИ В 1906 – 1917 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В центре внимания статьи – специфика, механизм проведения и поворотные моменты выборов в Государственные думы Российской империи I – IV созывов по Костромской и Ярославской губерниям – типичным губерниям Верхневолжского региона и Центральной России с преимущественно русским населением. На основе богатого фактического материала автор стремится определить, в какой мере избирательные кампании были конкурентными и объективными, какова роль общественного мнения и административного ресурса в ходе предвыборной борьбы, агитации и непосредственного избрания членов Государственной думы.

Ключевые слова: Государственная дума России, Костромская губерния, Ярославская губерния, избирательные кампании, политические партии, курии.

Выборы в Государственную думу Российской империи первого созыва весной 1906 г. не имели precedентов и явились для самодержавия первым и столь масштабным опытом организации избирательных кампаний в рамках всей страны. До 1917 г. были проведены четыре избирательные кампании в Думу, в ходе каждой из них Костромская губерния была представлена шестью членами Государственной думы, а Ярославская – пятью.

Выборы в Думы первого и второго созывов проходили на основе избирательного закона от 11 декабря 1905 г., в Думы третьего и четвертого созывов – согласно избирательному закону от 3 июня 1907 г. Этим объясняется динамика сословно-социального и пар-

тийно-политического состава народных представителей, изменение состава депутатского корпуса в приемлемую для самодержавия сторону. Власть, используя короткий срок работы Дум первого и второго созывов, приспособливала положение о выборах в расчете на избрание лояльного для себя парламента. Уже в ходе Петергофских совещаний об учреждении так называемой Булыгинской думы консервативные круги рассчитывали на традиционные монархические взгляды русских земледельцев, надеялись на избрание «вполне надежных депутатов» [4]. Важно подчеркнуть определенную организующую и направляющую руку властей в ходе выборов, которые от губернской полиции и адми-

нистрации до министра внутренних дел внимательно контролировали процедуру выборов и вмешивались в ход и исход избирательных собраний. Так, по итогам выборов весной 1906 г. ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков, обладавший репутацией политика правого толка, адресовал министру внутренних дел телеграмму с признанием ошибочности своего прогноза: «Мое предположение о незначительном количестве священнослужителей, могущих быть избранными в выборщики членов Государственной думы, не вполне подтвердилось: ни один священнослужитель в выборщики не попал» [6]. Губернаторы с помощью административно-полицейских мер препятствовали агитации левых, оппозиционных партий, включая особенно активных кадетов, не утверждали потенциальных кандидатов в депутаты на выборных должностях и даже заводили на них уголовные дела. В частности, костромской губернатор А. П. Веретенников открыто преследовал левых кадетских деятелей во введенной ему губернии и, состоя в «Союзе 17 октября», вполне закономерно поддерживал местных октябристов. В то же время в 1906 – 1907 гг. в Ярославской губернии власти не столь явно создавали препятствия кадетской пропаганде в расчете отвлечь население от революционной борьбы. Губернаторам приходилось организовывать выборы в непростых условиях. В 1906 – 1907 гг. в Ярославской губернии продолжалось забастовочное и стачечное движение, проходили демонстрации и митинги. Противостояние общества и власти выразилось в попытке покушения на губернатора

А. А. Римского-Корсакова. Рабочий-слесарь В. Веселовский предпринял попытку застрелить губернатора из револьвера, однако был схвачен и обезврежен самим Римским-Корсаковым [8].

Обыватели указанных губерний придерживались левых взглядов, поэтому политические партии и члены Государственной думы должны были отстаивать интересы своих земляков, нередко становясь в оппозицию самодержавию. Определенную роль в ходе избирательных кампаний играл левый состав земств Костромской и Ярославской губерний: в депутаты нередко проходили умудренные опытом люди, имевшие годы работы в земском и городском самоуправлении. Большое значение имели опыт судебной, адвокатской, врачебной работы и репутация борца за народные интересы. Так, в Думу третьего созыва от Костромской губернии прошел Василий Семенович Соколов, почетный мировой судья и гласный городской думы, возрастом 61 год [1]. Даже депутаты-октябристы, поначалу поддерживавшие курс правительственных реформ П. А. Столыпина, в итоге вступили на путь критики власти. Анализ сословно-социального происхождения народных избранников и их партийной принадлежности показывает, что они были призваны в парламенте отстаивать интересы различных категорий населения: потерпевших от столыпинских реформ крестьян, находившихся в тяжелом социально-экономическом положении фабрично-заводских рабочих, средних городских слоев. Население обеих губерний принимало участие в выборах депутатов и связывало с их

деятельностью определенные надежды на позитивные перемены в стране. В то же время левыми ораторами и агитаторами критиковалось отсутствие в тогдашней России всеобщих, равных, прямых и тайных выборов, наличие многочисленных отрицательных условий допуска к выборам, отсутствие института наблюдателей и т. д. Сама избирательная процедура была сложной и многоступенчатой и нуждалась в совершенствовании. Прежде всего следует отметить, что голосование проходило по куриям: городской, землевладельческой, рабочей и крестьянской. Костромская губерния с развитым фабрично-заводским производством имела в каждой из четырех Дум своего депутата от рабочих, вполне закономерно поддерживавшего РСДРП. В свою очередь Ярославская губерния имела отдельное представительство от города Ярославля. Немаловажное значение в губернских избирательных собраниях имела позиция крестьянства, которое принимало участие в выборах в надежде на решение аграрного вопроса и получение земли. Так, по отношению к хлебопашцам действовал следующий порядок выборов: сначала каждая волость на сходе выбирала двух уполномоченных в уездный съезд, затем уездный съезд определял из своей среды выборщиков в губернское избирательное собрание, и, наконец, в губернском избирательном собрании крестьяне избирали из своей среды депутата, а затем вместе с другими выборщиками участвовали в избрании других депутатов.

Предвыборная агитация в данных губерниях характеризовалась различными методами, способами и при-

емами конкурентной борьбы: митинги, собрания, лекции, встречи с избирателями, дебаты и дискуссии, распространение партийной литературы, выезды в сельскую местность и др. Успех, как правило, сопутствовал кадетам и их более левым конкурентам: эсерам и социал-демократам. Партии же и их выдвиженцы, стоявшие правее кадетов на шкале политического спектра, всячески дискредитировались в глазах населения. Большую роль при этом играла периодическая печать. Так, в костромских газетах писали, что в Кинешме сторонники Торгово-промышленной партии собирались в клубе, занявшем роскошные купеческие апартаменты, и за чаем абсолютно дилетантски обсуждали политику, «призывали к избиению студентов и жинов, а затем возвращались к делам наживы» [2].

Особенностью выборов в Думу первого созыва стало бойкотирование избирательной кампании эсерами и социал-демократами. Однако на выборах в Думу второго созыва левые отказались от тактики бойкота и в Костроме даже образовали предвыборный блок с кадетами, но в Ярославле такого блока не сложилось. На выборах в Думы третьего и четвертого созывов ввиду изменения избирательного закона в депутаты прошли более умеренные деятели, представлявшие местное городское и земское самоуправление, а также имущие торгово-промышленные круги. Вместе с тем крайне правые, черносотенцы, не смогли организовать серьезного участия в выборах в указанных губерниях, и их активность в основном сводилась к противостоянию революционной пропаганде. Здесь следует отметить, что монархисты по-

сле издания Манифеста 17 октября находились в растерянности ввиду сомнения в сохранении самодержавной власти царя. В то же время ход избирательных кампаний показывает, что октябристы не пользовались такой популярностью среди избирателей, как их более левые конкуренты. Так, весной 1906 г. костромичи даже отказывались брать пригласительные бланки на лекцию приезжего оратора от «Союза 17 октября», а перед пришедшими избирателями оратор выступил очень неудачно [2]. На выборах по городской курии в Макарьеве Костромской губернии особенно стремился пройти октябрист, местный купец-лесопромышленник Горин-Шаронов. 28 февраля 1906 г. в здании городской управы было организовано публичное собрание «Союза 17 октября». Горин-Шаронов предлагал удалять из зала тех, кто открыто не соглашался с преимуществами его партии и не желал записываться в ее состав. Купец подчеркивал расположение императора к октябристам, указывал на необходимость соблюдения партийной дисциплины и настаивал на избрании его в выборщики. В день выборов в Макарьеве при явке в 389 человек Горин-Шаронов подходил к каждому и настоятельно просил: «За меня-то, за меня положи» [3]. Затем он пытался сорвать голосование, но все его попытки оказались тщетными.

Несомненно, для успеха среди избирателей партии и их выдвиженцы должны были предложить конкретные меры разрешения аграрного и рабочего вопросов, соблюдения властью положений Манифеста 17 октября и повышения благосостояния подданных. В

этой связи имела место острая борьба за симпатии избирателей: в ходе дебатов и дискуссий ораторы отмечали слабые стороны программ конкурентов, задавали провокационные вопросы, пытаясь доказать преимущества своей партии [5].

В процессе предвыборных собраний имели место случаи превышения полномочий стражами порядка. 17 января 1907 г. на втором предвыборном собрании по Ярославлю в доме Соболевых помощник полицмейстера Дьяченко не всех пропускал на встречу, отказываясь при этом составлять протокол: «Хотел он – пускал, не хотел – не пускал. Сначала кого-нибудь он не пускал, не признавая выборщиком, а потом снисходил – и разрешал» [7].

Всего в I – IV Думы от Костромской и Ярославской губерний было избрано 44 депутата, из них 24 – от Костромской, 20 – от Ярославской. По критерию партийной принадлежности от Костромской губернии всего в Думу прошли 13 кадетов, четыре большевика, три октябриста, два члена Прогрессивной партии, один умеренно правый, один беспартийный. Интересы Ярославской губернии представляли 11 кадетов, три октябриста, два члена Прогрессивной партии, два беспартийных умеренных, один член фракции центра, один беспартийный правый. В Думах первого и второго созывов представительство кадетов от обеих губерний было наибольшим. Депутат II Государственной думы от Ярославской губернии Д. П. Пуговишников был единственным рабочим в составе кадетской фракции Дум всех четырех созывов.

Библиографические ссылки

1. Государственная Дума России : энциклопедия. В 2 т. Т. 1: Государственная Дума Российской империи, 1906 – 1917 / редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 589.
2. Костромской голос. 1906. № 19. 14 февр.
3. Костромская речь. 1906. № 2. 16 мар.
4. Петергофское совещание о проекте Государственной Думы под личным его императорского величества председательством. Берлин, 1910. С. 58.
5. Поволжский вестник. 1906. № 3. 11 мар.
6. РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 51. Л. 43.
7. Северная речь. 1907. № 30. 7 февр.
8. Ярославские губернаторы. 1777 – 1917 гг. : историко-биограф. очерки / В. М. Марасанова, Г. П. Федюк ; отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1998. С. 227.

D. A. Bulyukin

**THE SPECIFICS OF THE ELECTION CAMPAIGNS
TO THE STATE DUMAS OF RUSSIA IN 1906 – 1917 (BASED
ON THE MATERIALS FROM THE KOSTROMA
AND YAROSLAVL PROVINCES)**

The focus of this article is on the specifics, mechanism of holding and turning points of the elections to the State Dumas of the Russian Empire of the I – IV convocations in the Kostroma and Yaroslavl provinces – typical provinces of the Upper Volga region and Central Russia with a predominantly Russian population. Based on the rich factual material, the author seeks to determine to what extent the election campaigns were competitive and objective, and what role public opinion and administrative resources played during the election campaign, campaigning, and the direct election of members of the State Duma.

Keywords: State Duma of Russia, Kostroma province, Yaroslavl province, election campaigns, political parties, curia.

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИРОВЫХ СУДЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В статье исследована проблема организации мировой юстиции в Российской империи во второй половине XIX в. На основе регионального подхода выявлены особенности статуса мировых судей в Московской губернии.

Анализ использованных источников, в том числе архивных, часть из которых вводится в научный оборот впервые, позволил сделать вывод о достаточно высоком статусе лиц, занимающих должности мировых судей во второй половине XIX века, о престижном положении мировых судей и неукоснительном соблюдении положений судебной реформы в столичном регионе Центральной России. Также в результате изучения архивных документов получено подтверждение допустимости совмещения судебской деятельности почетными мировыми судьями с любой другой должностью, в том числе с должностью почетного мирового судьи другого уезда.

Ключевые слова: мировые судьи Российской империи, почетные мировые судьи, участковые мировые судьи, съезды мировых судей, Московская губерния, знак мирового судьи.

Вот уже четверть века в современной России функционирует институт мировых судей, возродившийся из наследия Российской империи. Процесс реформирования, оптимизации деятельности государственного аппарата в целом и судебной системы в частности должен иметь прочную теоретическую основу. Детальное и глубокое изучение исторического опыта дореволюционной России, полученного в ходе судебной реформы 1864 г., является важной составляющей при формировании характеристики историко-правового развития российского общества.

Институт мировых судей исследовался в рамках судебной реформы как один из основных ее принципов, отражающий наиболее прогрессивные

и демократические посылы создателей реформ. Для литературы дореволюционного периода, основными представителями которого можно назвать В. П. Безобразова [1], И. В. Гессена [4], Г. А. Джаншиева [7; 8], В. Железникова [11], А. Ф. Кони [14; 15], С. Ф. Платонова [23], М. А. Филиппова [28], В. Чекалина [31] и других, характерны позитивные оценки идеи создания и реализации мировой юстиции. Вдохновленные прорывом в судоустройстве Российской империи большинство авторов положительно характеризуют как реформы в целом, так и ставший новеллой для Российской империи институт мировых судей – возможность независимой, цивилизованной защиты нарушенных прав крестьян. В оппозиции выступали такие авторы, как

В. Я. Фукс [29] и Б. Кистяковский, подвергший критике русскую интеллигенцию – и подданных имперской России в целом – за их неспособность оценить важность закона для создания справедливого общества и демократического государственного устройства [32, р. 21].

В советский период к изучению института мировых судей особого интереса исследователи не проявляли. Лишь в 1960-е гг. начали появляться работы, посвященные изучению судостроительства России второй половины XIX в. Но и здесь институту мировых судей не было посвящено особого внимания. Мировая юстиция в основном изучалась в контексте рассмотрения проектов судебной реформы 1864 г. и судебного законодательства 70 – 80-х гг. XIX в. в трудах Б. В. Виленского [2], Н. Н. Ефремовой [9], П. А. Зайончковского [12], Л. Г. Захаровой [13], М. В. Немытиной [21]. В работах названных авторов можно отметить негативную оценку изучаемого вопроса, продиктованную политико-идеологической ситуацией, а также отсутствие исследовательского интереса по вопросу функционирования института мировых судей как такового.

Постсоветская исследовательская литература представляет собой качественно новый уровень изучения судебной реформы, в частности проблем мировой юстиции. Историческому аспекту российской мировой юстиции посвящены работы Ю. Г. Галай [3], Н. Н. Ефремовой [10], М. Г. Коротких [16], С. В. Лонской [20], М. В. Немытиной [22], А. С. Смыкалина [25].

Первая попытка комплексного изучения института мировых судей от

момента создания до 1917 года была предпринята С. В. Ланской, ее работы отличаются высоким научно-теоретическим подходом [18; 19].

Высокая заинтересованность исследователей в изучении института мировых судей в постсоветский период, связанная с возрождением данного института в современной России, характеризуется положительной оценкой деятельности мировых судей в Российской империи, однако без идеализации, присущей дореволюционной историографии. Из современных исследований можно отметить работу Е. А. Крестьянникова, посвященную вопросам изучения некоторых аспектов деятельности мировых судей в Сибири [17].

Вместе с тем комплексный анализ региональных особенностей судостроительства и деятельности мировой юстиции в Московской губернии до настоящего времени исследователями не проводился.

Исследование особенностей развития института мировых судей, являющегося новеллой судебной реформы, заслуживает повышенного внимания. Автор в данной работе ставит задачу изучить процесс организации деятельности вновь созданного института судебной власти, выявить особенности статуса мировых судей на материалах Московской губернии. Являясь столичным регионом центральной части России, Московская губерния представляет собой наиболее прогрессивную площадку для государственных нововведений, позволяющую исследовать вопросы организации, направленные на реализацию основных положений Судебных уставов 1864 г. [27].

В работе использованы исторический, в том числе региональный, историко-типологический и антропологический методы, а также общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение и др.).

К документам, отражающим процесс становления мировой юстиции в Московской губернии, можно отнести Циркулярные предписания съездов мировых судей, Журналы заседаний съезда мировых судей (1866 – 1917 гг.), Памятную (справочную) книжку, содержащую информацию о губернских должностных лицах и учреждениях, о входящих в состав губернии уездах.

Отдельно следует отметить Памятную (справочную) книжку, изданную в 1890 г. в Московской губернии [26]. Подобные издания представляют собой некие справочники-ежегодники официального характера. Составителями Памятных книжек являлись различные официальные лица губерний, выпуск также осуществлялся различными учреждениями министерства внутренних дел.

В зависимости от времени издания и местности их составления Памятные книжки имели свои особенности. Основными общими разделами данного исторического источника были следующие:

- адрес-календарь;
- административный справочник;
- статистический обзор;
- научно-краеведческий сборник.

Адрес-календарь включал перечень всех государственных учреждений, общественных организаций с указанием личного состава губернского и уездного уровня.

В административном справочнике публиковалась информация об административном делении губернии, населенных пунктах, крупных землевладельцах губернии, учреждениях связи (почте, телеграфе), существующей логистике в губернии, сведения об объектах промышленности, торговых предприятиях, медицинских учреждениях (больницах, аптеках), образовательных учреждениях, органах печати, в том числе периодических изданиях, издаваемых и выписываемых в губернии, библиотеках и книжных лавках, музеях и т. д.

Статистический обзор включал все основные сферы жизни губернии, в первую очередь таблицы, представляющие динамику численности населения, характеристику развития землевладения, сельского хозяйства, также в некоторых изданиях публиковались материалы судебной статистики, статистические данные финансового характера (доходов и недоимок), сведения, отражающие развитие медицинской сферы и народного образования, состояние промышленности (фабрик, заводов), публиковалась информация о количестве пожаров и т. д.

Научно-краеведческий сборник представлял собой источниковедческие, научно-исследовательские, археографические и библиографические материалы.

Как видно из приведенного краткого содержания, Памятные книжки представляют собой особую ценность для изучения различных периодов истории как регионального, так и государственного имперского уровня. Они позволяют воссоздать образ жизни губернии, детально раскрыть

особенности как правительственной, так и общественной деятельности отдельного уезда, населенного пункта или местности. Информация о составе населения, личностях, занимающих те или иные должности, позволяют делать выводы о социальном устройстве и некоторых элементах быта как отдельно взятой губернии, так и страны в целом. Кроме того, статистический материал, публикуемый в Памятных книжках, отражает географические особенности, состояние экономики, культурной жизни общества. Издаваемые регулярно справочники позволяют проследить в динамике развитие городов, изменения в социальной, экономической, промышленной и политической сферах жизни общества.

Как сообщается в материалах Российской национальной библиотеки, подобные издания выходили с середины 30-х гг. XIX в. до 1917 г. в 89 губерниях и областях Российской империи. Печатавшиеся небольшими тиражами Памятные книжки становились редкостью уже с момента своего издания. Неудивительно, что до наших дней не сохранилось ни одного экземпляра некоторых изданий, 10 % изданий представлены в библиотеках и архивных фондах в единственном экземпляре. Более 120 изданий до сих пор не обнаружены. Данная особенность также делает Памятные книжки весьма ценным историческим источником.

К сожалению, достоверных сведений об издании Памятных книжек в Московской губернии до 1890 г. не сохранилось.

В 1890 г. издается «Справочная книжка Московской губернии (описа-

ние уездов)», составленная по официальным сведениям управляющим Канцелярией московского губернатора Александром Платоновичем Шрамченко. В издании есть упоминание о том, что материалы публикуются с разрешения московского губернатора.

Источник содержит информацию о губернских должностных лицах и учреждениях, а также подробную информацию обо всех уездах, коих было 13: Московский, Богородский, Бронницкий, Верейский, Волоколамский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Коломенский, Можайский, Подольский, Рузский, Серпуховской.

По каждому уезду приведены сведения об истории уезда, уездных и благотворительных учреждениях и должностных лицах, врачах, ветеринарах, больницах и аптеках, училищах, волостных правлениях, дано состояние полицейской и пожарной команд, торговых пунктов, фабрик и заводов, усадеб, описаны занятия населения, приведена таблица расстояний между населенными пунктами с указанием численности населения в них.

Особо интересно данное издание тем, что дает представление о мировых судьях Московской губернии, съездах мировых судей, почетных и участковых мировых судьях каждого уезда, а в некоторых случаях – и данные о местонахождении помещений (камер), где располагались мировые судьи.

Так, например, председателем съезда мировых судей Дмитровского уезда указан действительный статский советник Иван Федорович Тютчев [26, с. 171] (младший сын поэта Федора Ивановича Тютчева от брака с Эрнестиной Пфеффель). Почётными миро-

выми судьями Московского округа были такие известные личности, как граф Михаил Сергеевич Ланской, князь Пётр Николаевич Трубецкой [26, с. 6] – профессиональный юрист, в 1881 г. Пётр Николаевич окончил юридический факультет Московского университета.

Почётными мировыми судьями Звенигородского уезда были князь Александр Михайлович Голицин, статский советник Владимир Сергеевич Михалков (прадед советского писателя, поэта и драматурга Сергея Владимировича Михалкова) [Там же, с. 207 – 208].

Уникальным само издание делает то, что оно выпущено в год, следующий за утверждением 12 июля 1889 г. «Закона о земских начальниках», вслед за которым 29 декабря 1889 г. были утверждены «Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям». Данными документами мировые судьи были упразднены (за исключением городов Санкт-Петербург, Москва и Одесса и некоторых областей, где либо отсутствовало помещичье землевладение, либо представителями его были дворяне нерусской национальности), их полномочия переданы участковым земским начальникам, выполнявшим функции как административной, так и судебной власти. То, чего с таким трудом добивались создатели судебной реформы 1864 г., что являлось одним из самых прогрессивных элементов преобразований Александра II, было отменено его преемником – осторожным и консервативным императором Александром III.

В связи с этим в окончании книжки помещены сведения о лицах,

занимающих эти новые должности, и во всех последующих аналогичных изданиях Московской губернии мировые судьи (за исключением почетных) уже не упоминаются.

В работе использованы документы, представленные в фондах Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА г. Москвы), а именно фонда № 583 «Можайский уездный съезд мировых судей ведомства Министерства юстиции, г. Можайск Можайского уезда Московской губернии», годы 1866 – 1906. Данные материалы вводятся в научный оборот впервые.

Полномочия съезда мировых судей во второй половине XIX века были достаточно широки. Кроме пересмотра дел участковых мировых судей как вышестоящей апелляционной инстанции, съезд уполномочен был решать различные организационные вопросы. В документах съезда мировых судей содержатся расписки о получении печатей мировыми судьями и расписки о принесении клятвы. Организовать получение от министерства юстиции и последующую выдачу печатей, собрать от всех мировых судей округа расписку в принесении клятвы, решать организационные вопросы по выдаче нагрудного знака мирового судьи – все эти задачи входили в круг обязанностей съезда мировых судей. Несколько подробнее остановимся на должностном знаке мирового судьи. Статьей 18 части 3 Судебных уставов должности мирового судьи присваивались особый знак его звания и особая печать. Рисунок знака мирового судьи был утвержден императором Александром II 31 декабря 1865 г. [24, л. 34]. Знак

представлял собой овал с четырьмя симметричными выступами по краю. По окружности знака располагалась надпись: «МИРОВОЙ * 1864 * СУДЬЯ * 20 ноября *» – название должности и дата реформы, образовавшей эту должность. В центре знака изображен двуглавый орел – герб Российской империи. Изображение имперского герба на знаке подчеркивает высокий официальный статус должности мирового судьи. Также на рисунке изображена массивная цепь из овальных звеньев с двойным плетением, на которой крепится знак за круглое ушко и кольцо. В электронном каталоге Государственного исторического музея приведено описание хранящихся в музее нагрудных должностных знаков, в том числе их размер, материал и техника исполнения. Размер представленных экспонатов варьируется от 65 до 68 мм по ширине и 86 до 88 мм по высоте. Лицевая сторона знаков рельефная, обратная – гладкая, без надписей. Все оригиналы знаков, представленные в коллекции, выполнены из позолоченной бронзы в технике штамповки [6]. В каталоге «Должностные знаки второй половины XIX века до 1917 года из собрания Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника», составленного в 2018 г., содержится описание коллекции должностных знаков, хранящихся в фондах Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника [5, с. 22 – 29]. Согласно описанию, в коллекции хранятся пять знаков мировых судей. Отличительная особенность данных знаков – наличие цепи с декоративной бляхой сверху и номеров на обратной стороне знака. Судя по имеющейся в ма-

териалах архивного фонда переписке 1866 г., а также отдельно сформированному съездом мировых судей делу о выдаче знаков почетным и участковым мировым судьям [30, л. 23 – 27], выдаче знаков уделялось особое внимание. Знаки передавались для раздачи прокурору судебной палаты министерством юстиции. Об этом свидетельствует письмо от 17 мая 1866 г. № 36 прокурора Московской судебной палаты, направленное Председателю Можайского уездного земского собрания: «Господин министр юстиции препроводил ко мне знаки для раздачи как почетным, так и участковым мировым судьям, поэтому честь имею просить Вас доставить мне список лиц, утвержденных в сих должностях» [Там же, л. 25]. И далее сопроводительным письмом от 3 июня 1866 г. № 87 прокурор Московской судебной палаты направляет 13 пронумерованных знаков председателю Можайского съезда мировых судей с просьбой сообщить о том, кому из судей достался какой именно номер знака. Одновременно в письме сообщается, что «знаки направляются для раздачи почетным и участковым Мировым Судьям, за исключением Тайного Советника Смирнова, Действительного Статского Советника Шипова, Статского Советника графа Уварова и Коллежского Секретаря Мусина Пушкина, получивших уже знаки по другим уездам» [Там же, л. 26].

Содержание данных писем подтверждает соблюдение нормы, установленной ст. 18 ч. 3 Судебных уставов, не конкретизирующей, каким именно мировым судьям – почетным или участковым – положено носить

должностные знаки. Вследствие этого направляемые для раздачи знаки предусмотрены были как для почетных, так и для участковых мировых судей. Особого внимания заслуживает информация о получении ранее знаков некоторыми мировыми судьями по другим уездам. Перечисленные в письме от 3 июня 1866 г. № 87 судьи являются почетными, им разрешалось совмещать судейскую деятельность с любой другой должностью, за исключением прокуроров, их товарищей и местных чиновников казенных управлений и полиции. Как мы видим, должность почетного мирового судьи другого уезда не являлась исключением. Вместе с тем получение двух нагрудных знаков не допускалось и контролировалось министерством юстиции через прокурора судебной палаты. В ответ Можайский съезд мировых судей подготовил необходимую информацию о получении судьями знака с соответствующим номером под личную подпись. Также в материалах фонда встречаются отдельные запросы прокурора Московской судебной палаты о принадлежности должностного знака под конкретным номером [30, л. 13].

Таким образом, при обнаружении нагрудного должностного знака мирового судьи с номером на оборотной стороне представляется возможным выяснить, какому именно судье он принадлежал. Изученные архивные документы говорят о неукоснительном соблюдении положений судебной реформы в столичном регионе Центральной России, в отличие, к примеру, от Сибири, где всех предпринима-

емых мер и ресурсов «оказалось недостаточно для того, чтобы наладить в регионе эффективное правосудие» [17, с. 125].

Проведенное исследование процесса организации деятельности мировых судей в Московской губернии и выявления особенностей статуса мировых судей дает возможность сделать следующие выводы.

Лица, занимавшие должности мировых судей во второй половине XIX века, обладали достаточно высоким статусом, являлись государственными служащими с достойным уровнем образования, зачастую профильным, то есть юридическим, позволяющим принимать взвешенные профессиональные решения в ходе рассмотрения судебных дел.

В результате изучения архивных документов получено подтверждение допустимости совмещения судейской деятельности почетными мировыми судьями с любой другой должностью, в том числе с должностью почетного мирового судьи другого уезда. Данная практика существовала, возможно, ввиду отсутствия достаточного количества профессиональных кадров для судебной системы.

Утверждение императором должностного знака мирового судьи с изображением герба Российской империи позволяет сделать вывод о престижном положении мировых судей. Строгий контроль за вручением знаков в Московской губернии говорит о неукоснительном соблюдении положений судебной реформы в столичном регионе Центральной России.

Библиографические ссылки

1. Безобразов В. П. Мысли по поводу мировой судебной власти. М., 1866. 66 с.
2. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР ; Саратов. юрид. ин-т им. Д. И. Курского. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1969. 400 с.
3. Галай Ю. Г. Мировая юстиция на Нижегородской ярмарке // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Право». Вып. 1 (3): Государство и право: итоги XX века. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2001.
4. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб. : П. П. Гершунин и К°, 1904. 267 с.
5. Должностные знаки второй половины XIX века до 1917 года из собрания Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. [Электронный ресурс] / Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник : сайт. URL: <https://vladmuseum.ru/ru/scientific-activity/sborniki/katalogi/cat106/> (дата обращения: 18.12.2024).
6. Государственный исторический музей [Электронный ресурс] // Электронный каталог. URL : <https://catalog.shm.ru/> (дата обращения: 18.12.2024).
7. Джаншиев Г. А. Из эпохи великих реформ. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1892. VIII, 463 с.
8. Джаншиев Г. А. Сборник статей (К юбилею судебной реформы 1864 – 1914) / под ред. В. П. Обнинского, со вст. ст. А. Ф. Кони. М. : Задруга, 1914. XXIV, 520 с.
9. Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи, 1802 – 1917 гг.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 149 с.
10. Ефремова Н. Н. Судебные реформы в России: традиции, новации, проблемы // Государство и право. 1996. № 11. С. 85 – 91.
11. Железников В. Настольная книга для мировых судей. СПб., 1865. 495 с.
12. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870 – 1880 гг. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
13. Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х гг. XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 3 – 24.
14. Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию судебных уставов). М. : Изд. и тип. И. Д. Сытина, 1914. 22 с.
15. Кони А. Ф. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4. Правовые воззрения. М. : Юридическая литература, 1967. 544 с.

16. Коротких М. Г. Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. 238 с.
17. Крестьянников Е. А. Камеры и участки мировых судей в дореволюционной Сибири // Российская история. 2024. № 3. С. 115 – 125.
18. Лонская С. В. Мировая юстиция в России. Калининград : Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2000, 213 с.
19. Лонская С. В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2016. 54 с.
20. Лонская С. В. О статусе мировых судей // Российская юстиция. 1996. № 1.
21. Немытина М. В. Применение Судебных уставов 1864 г. // Буржуазные реформы в России во второй половине XIX века. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 140 с.
22. Немытина М. В. Пореформенный суд в России: деформация основных институтов уставов 1864 г. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 1991. № 4. С. 101 – 105.
23. Платонов С. Ф. О порядке начисления количества земли, дающего права на избрание в мировые судьи (указ Сената) // Журнал гражданского и уголовного права. 1875. Кн. 1. С. 87 – 89.
24. Рисунок знака мирового судьи. 31 декабря 1865 г. Реестр чертежей и рисунков к тому XL // ПСЗ. 2. Т. XL. № 42846.
25. Смыкалин А. С. Судебная реформа 1864 г. // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 39 – 42; № 7. С. 39 – 42.
26. Справочная книжка Московской губернии (описание уездов), составленная по официальным сведениям управляющим канцеляриею Московского губернатора А. П. Шрамченко : Изд. 1890 г. М. : Губ. тип., 1890. 420 с.
27. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной Канцелярии. СПб., 1866.
28. Филиппов М. А. Мировой суд // Русское слово. 1963. Кн. 5. Отд. 1. С. 1 – 48.
29. Фукс В. Я. Суд и полиция : в 2 ч. М. : Унив. тип., 1889.
30. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 583. Оп. 1. Д. 101.
31. Чекалин В. Мировой судья по уставам и в действительности // Журнал уголовного и гражданского права. 1882. № 1.

32. Reforming Justice in Russia, 1864 – 1996: Power, Culture, and the Limits of Legal Order. Edited by Peter H. Solomon Jr. Armonk, NY, and London : M. E. Sharpe, 1997. 406 p.

V. V. Gurina

**ORGANIZATIONAL ISSUES OF JUSTICES OF THE PEACE ACTIVITY
IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MOSCOW PROVINCE)**

The article examines organizational issues of justice of the peace in the Russian Empire in the second half of the XIXth century. Based on the regional approach the specifics of justices of the peace status were revealed.

The analysis of the sources used, including archival ones, some of which are introduced into scientific circulation for the first time, allowed us to conclude that the status of persons holding the positions of justices of the peace in the second half of the XIXth century was quite high as well as about their prestigious position and strict observance of the provisions of judicial reform in the capital region of Central Russia. Also, as a result of studying archival documents the permissibility of combining judicial activity by honorary justices of the peace with any other position, including the position of honorary justice of the peace of another county was proved.

Keywords: justices of the peace of the Russian Empire, honorary justices of the peace, district justices of the peace, congresses of justices of the peace, Moscow province, badge of the justice of the peace.

УДК 94(47).084

Е. В. Ларина

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕТНИХ ШКОЛ В ФАБЗАВУЧЕ
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Е ГГ.**

В статье рассматривается устройство летних школ фабрично-заводского ученичества в 1920-е годы. Школы были формой производственного обучения в весенне-летний период. На примерах школ ФЗУ Московской губернии показаны основные аспекты деятельности школ: выбор тематики, распределение задач, методы исследования. Проанализировав материалы итоговых конференций о работе школ, автор приходит к выводу о том, что летние школы получили положительную оценку со стороны хозяйственных предприятий и хорошо зарекомендовали себя.

Ключевые слова: летняя школа, школы фабрично-заводского ученичества, производственное обучение.

Масштабное общественное переустройство в 1920-е годы требовало высокой общеобразовательной, профессиональной и культурно-идеологической подготовки молодого поколения советских людей. В меняющихся условиях началось форсированное строительство и развитие новой формы профессионально-технического образования – школ фабрично-заводского ученичества. За короткий период школы прочно вошли в систему советского профессионально-технического образования и хорошо зарекомендовали себя. С 1921 по 1925 год количество школ в стране увеличилось с 43 до 455 [5, с. 199], в 1925 году около четверти всех школ приходилось на ФЗУ Московской губернии [2, л. 3].

Вопросы становления и развития школ фабрично-заводского ученичества широко изучались историками. В изучаемый период работы носили обзорно-статистический характер. Вместе с тем среди государственных и партийных деятелей разворачивались дискуссии об эффективности работы фабзавуча [7; 8]. В конце десятилетия вышли в свет первые критические публикации. Среди крупных исследований советского периода выделяются работы Е. Г. Осовского, автор подробно рассматривает и анализирует этапы возникновения и развития ФЗУ [9; 10]. На современном этапе исследования в основном носят региональный характер [12].

Цель данной статьи – рассмотреть один из аспектов работы школ фабрично-заводского ученичества, а именно организацию и деятельность летних школ. В основу исследования положен анализ архивных материалов

о проведении летних школ в фабзавуче Московской губернии.

Основным преимуществом школ фабзавуча по сравнению с другими видами профессионально-технических учебных заведений было совмещение общеобразовательного и производственного обучения, а также общественно-политического воспитания. Высоко оценивала значение школ фабзавуча Н. К. Крупская. Она подчеркивала, что школа типа ФЗУ особенно ценна именно тем, что изучаемое производство является не искусственно созданным, а крупным машинным предприятием, на чьей базе строится школа. Это создавало особые условия для получения теоретических и практических знаний в той или иной отрасли фабрично-заводской промышленности [11, с. 51 – 52].

По мере развития фабзавуча и внедрения в рабочие ряды первых выпускников вставал вопрос об усилении производственного компонента обучения в ФЗУ. В качестве нового опыта повышения уровня подготовки учащихся школ фабзавуча были организованы так называемые летние школы. Первые школы начали свою работу в 1924/25 учебном году. Принципиальное отличие летних школ от производственного обучения в течение учебного года заключалось в знакомстве учащихся с производством через решение ими конкретных производственно значимых задач непосредственно на самом предприятии. Одновременно получая необходимые знания и опыт, учащиеся вносили определенный вклад в работу тех или иных фабрик и заводов. Такое внедрение в жизнь предприятия придавало всей

школьной работе в том числе и огромное общественно-воспитательное значение.

Работа летних школ проходила в весенне-летний период – с 1 мая по 15 июня. С методической и практической точек зрения работа осуществлялось по двум направлениям: производственно-техническому; общественно-политическому. Такое разграничение было рационально по ряду причин. С одной стороны, это необходимость выбора темы летней школы, совмещение двух компонентов, производственного и общественного, приводило бы к утрате четкости в постановке задач. С другой стороны, степень подготовленности учащихся диктовала необходимость дифференциации разделов темы, выполнение производственных заданий требовало больше специальных знаний, что соответствовало уровню третьих групп ФЗУ. Общественно-политическую работу было целесообразно, не откладывая, начинать с первых лет обучения.

Организационный план проведения работы летней школы фабзавуча состоял из нескольких последовательных этапов:

- 1) выбор темы и выявление степени заинтересованности в ней учащихся и предприятия;
- 2) составление плана и распределение функций между преподавателями и учащимися;
- 3) учет знаний по соответствующим дисциплинам, необходимых для анализа и изучения;
- 4) анализ положения, сторона или явление, подлежащие по плану школы изучению и изменению (обследования, экскурсии, опросы, изу-

чение материалов и т. д.) по определенным заданиям;

5) установление всех условий, законов и обстоятельств, определяющих данное положение изучаемых явлений и сторон;

6) учет необходимых знаний и навыков для обработки полученного материала;

7) обработка полученного материала с выявлением основных сторон, подлежащих изменению и нормализации по определенным заданиям;

8) составление плана проведения необходимых мероприятий (с учетом данных науки, техники, опыта);

9) учет необходимых знаний для осуществления указанных мероприятий;

10) заключительный доклад школы о проделанной работе с изложением мероприятий;

11) проведение в жизнь мероприятий (если школа за это берется) и контроль выполненного [4, с. 12 – 13].

На каждом новом этапе особенно отмечалась необходимость учета знаний и навыков учащихся. Так, участники летних школ не только закрепляли и применяли имеющиеся знания, но и помогали выявить теоретические пробелы.

Подробное планирование учитывало все нюансы устройства летних школ и служило ориентиром при организации работы на местах. На примере ряда летних школ фабзавуча Московской губернии рассмотрим основные аспекты их деятельности.

В 1925 году на основании Методического письма отдела рабочего образования Москпрофобра и ЦД КВРМ при Московском оружейном заводе им. М. И. Калинина была организована

летняя школа. На заседании педагогического совета школы из числа всех преподавателей были сформированы две комиссии. Первая комиссия в (составе 6 преподавателей физики, черчения, механики, математики) возглавила производственно-техническое направление, выбрав тему «Обследование технического оборудования мастерской школы». Первая группа учащихся под руководством преподавателей технологии и механики обследовали материалы и кузницы, учащиеся двух других групп обследовали станки. На втором этапе производились анализы материалов, в заключение обрабатывались полученные результаты.

Вторая объединенная комиссия из преподавателей обществоведения, родного языка, преподавателей организации производства и организации труда определили две темы для проработки. В рамках темы «Подшефная деревня» участники оказывали реальную помощь по ремонту машин, пожарного обоза, собирали сведения по заданиям ячейки РКСМ, а также обследовали быт деревни и выясняли, в каком объеме осуществлялась помощь деревне со стороны завода. Вторая тема – «Быт учащихся ФЗУ» – предполагала обследование гигиенических и культурных условий жизни учащихся и их родителей путем анкетирования и экскурсий в места проживания. Темы были утверждены школьным советом. На заседаниях комиссий были составлены детальные проекты проработки тем, составлено расписание занятий летней школы и распределены задания между учащимися и преподавателями.

По завершении весенне-летнего периода состоялось несколько итоговых

конференций. В рамках общественно-политического цикла «Подшефная деревня» были обследованы деревни Костино и Куракино. В докладах о состоянии дел в деревнях отмечалось слабое шефство заводского комитета, среди прочего предлагалось упорядочить поставку литературы в деревни, но, несмотря на некоторые недочеты, участники пришли к выводу, что «подмосковная современная деревня пролетаризируется». Работа над темой «Быт учащихся ФЗУ» заслужила положительную оценку. Путем анкетирования выявлен высокий процент курящих среди учащихся, впоследствии удалось добиться отказа от вредной привычки [3, л. 16].

В том же году школьный совет школы ФЗУ № 3 «Москвошвея» утвердил тематику летней школы. Для наиболее подготовленной 3-й группы была принята тема «Производительность труда», предложенная Москпрофбром. Тема разбивалась на подтемы: «Рабочая сила», «Сырье», «Склад», «Закройная и гладильная», «Оборудование». В качестве основного метода исследования было утверждено анкетирование. Для 1-й и 2-й групп была взята более общая тема «Наука и техника на службе у человека». Изучение вопроса проводилось на экскурсионном материале. Согласно расписанию 1-я группа посетила фабрику № 16 и фабрику в поселке Рублево, 2-я группа учащихся – Академию им. Тимирязева и выставку ВСНХ [1, л. 13].

Результаты работы летней школы были объявлены на итоговой конференции. Докладчики зачитывали акты обследования и анализировали работу предприятия, отмечали выявлен-

ные недостатки и слабые стороны. Участники школы всесторонне подошли к исследованию вопроса. Так, при рассмотрении вопроса «Производительность труда» учитывались как технические моменты, так и физическое состояние работников. В части доклада по теме «Сырье» были озвучены выводы о качестве поставляемого сырья и перебоях с поставками, что создавало задержку в производстве. Кроме того, производительность предприятия во многом зависела и от состояния здоровья работников. Весенний осмотр состояния девушек показал, что здоровы лишь 15 %, у 7 % работников были обнаружены тяжелые нарушения зрения [1, л. 27]. В заключение работа школы была признана полезной как для учащихся, так и для администрации предприятия, которая поставила задачу устранить недостатки и «повысить производительность до 100 %». [Там же, л. 32].

Работа школ признавалась эффективным способом внедрения учащихся в производственную и общественную жизнь предприятия. Высоко оценивал деятельность летних школ ФЗУ С. Гайсинович – советский педагог, председатель Методической комиссии отдела рабочего образования Москпрофобра. Отмечая некоторые сложности на этапе возникновения первых школ, он подчеркивал их несомненный вклад в подготовку квалифицированных кадров для фабрично-заводских предприятий. Гайсинович писал, что положительной

стороной летних школ является изучение производства по реальным практическим задачам, что позволяло не только применить полученные знания, но и обнаружить возможные дефициты [4]. Поддерживая массовое внедрение летних школ, в то же время он обращал внимание, что проведение школы не является обязательным. В каждом отдельном случае устройство летних школ должно было исходить из объективных обстоятельств: технических возможностей, подготовки учащихся и запроса предприятий, окружающей среды и самих учащихся.

Давая неоценимый опыт учащимся, летние школы были в значительной степени интересны и самим предприятиям. На основании изучения проблемных вопросов, обследования условий и анализа полученных данных участники летних школ делали практически полезные выводы, которые впоследствии использовались фабрично-заводскими управлениями для корректировки работы. Положительный отклик предприятий дал толчок дальнейшему развитию летних школ. Во второй половине 1920-х годов в систему фабрично-заводского ученичества Московской губернии были включены летние школы фабзавуча при Московском автомобильном заводе АМО, Дедовской фабрике, Павлово-Покровской мануфактуре, Балашихинской бумагопрядильной фабрике им. А. И. Рыкова и ряде других предприятий.

Библиографические ссылки

1. Центральный Государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 966. Оп. 3. Д. 317.
2. Там же. Д. 783.
3. Там же. Д. 871.
4. Летняя школа в фабзавуче : сб. ст. / под ред. С. Гайсиновича. М. : Новая Москва, 1926. 124 с.
5. Летняя школа в Фабзавуче: Письма Методической комиссии ОРО Москпрофобра и ЦД КВРМ. М. : Новая Москва, 1925.
6. Кленова Р. А. Из истории возникновения школ фабрично-заводского ученичества (1921 – 1925 гг.) // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 199 – 203.
7. Крупская Н. К. Труд и образование рабочей молодежи. Харьков : Пролетарий, 1925. 107 с.
8. Матвеев Д. О труде и образовании рабочей молодежи. Доклад и заключительное слово на VII Всесоюзном съезде ВЛКСМ. 19 марта 1926 г. М. – Л. : Молодая гвардия, 1926. 16 с.
9. Осовский Е. Г. Возникновение и развитие школы фабрично-заводского ученичества ФЗУ (1918 – 1933 гг.) : дис. ... канд. пед. наук. М., 1964. 20 с.
10. Осовский Е. Г. Развитие теории профессионально-технического образования. М. : Высш. шк., 1980. 287 с.
11. Панкевич П. Я. Основные вопросы фабзавуча. М. : Новая Москва, 1926. 233 с.
12. Торгашина Т. Ф. Подготовка кадров в Пензенской губернии в 1917 – 1928 гг. : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02. Пенза, 2003. 26 с.

E. V. Larina

**SUMMER SCHOOLS ORGANIZATION FOR FACTORY
APPRENTICESHIP AT THE MOSCOW PROVINCE IN THE 1920s**

The article examines the organization of summer schools for factory apprenticeships in the 1920s. Schools were a form of industrial training in the spring-summer period. Based on the examples of factory apprenticeship schools of the Moscow province, the main aspects of the activities of schools are shown: the choice of subjects, the distribution of tasks and research methods. After analyzing the materials of the final conferences on the work of schools, the author concludes that summer schools have received a positive assessment from business enterprises and have proven themselves.

Keywords: summer school, factory apprenticeship schools, industrial training.

УДК 81'373

Е. А. Кузнецова, Е. А. Фадеева

ТОПОФОРМАНТ -ИХ(А) В ОЙКОНИМИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящей статье представлен формантный анализ ойконимов Владимирской области. В результате изучения географических названий выявлен ареал распространения топоформанта *-их(а)* на территории региона. Сделан вывод о небольшом количестве ойконимов с данной морфемой относительно общего числа географических названий области, однако подтверждено наличие различных семантических вариаций топоформанта.

Ключевые слова: ойконим, топоформант, ареал распространения, Владимирская область, топонимика.

Существует множество исторических источников, помогающих исследовать особенности жизни людей, населяющих ту или иную территорию на протяжении долгого времени. Поскольку языковая система формируется под влиянием как интралингвистических, так и экстралингвистических факторов, её единицы также способны содержать в своей структуре информацию, отражающую особенности жизнедеятельности людей – носителей данного языка.

Учеными отмечается довольно сильная подвижность словарного фонда русского языка. В периоды бурных потрясений в обществе лексика изменяется настолько быстро, что словари не успевают фиксировать все изменения. Однако каждый период развития лексического уровня довольно интересен, поскольку позволяет осмыслить ряд исторических изменений окружающего мира [3, с. 201].

Один из разделов лексикологии, изучающей лексический состав языка, – ономастика, наука об именах собственных, их структуре и способах классификации. Тесная связь ономастики с такими областями знаний, как история, география, демография и так далее, показывает, насколько прочно взаимодействует само общество с лексикой, которой оно пользуется.

Огромный материал для исследований заключают в себе ойконимы – названия населённых пунктов, изучаемые топонимикой (подразделом ономастики). Анализировать ойконимические системы можно с различных позиций: исследовать этимологию единиц, рассматривать особенности структуры географических названий, давать характеристику словообразовательных моделей и т. д. [1, с. 426 – 427].

Топонимообразование как процесс создания новых географических названий вызывает особый интерес,

поскольку топонимы, будучи единицами лексической системы языка, не только характеризуются общими особенностями словообразования, но и демонстрируют использование «особых» моделей и формантов. Так, многие из топоформантов (тех морфем, которые образуют новый топоним) довольно древние. Их наличие в лексической единице может свидетельствовать о достаточно длительном времени существования того или иного населённого пункта. Напротив, некоторые топоформанты довольно активны в словообразовании и появились не так давно. Анализ особенностей топонимообразования того или иного региона указывает на основные процессы, происходящие в языке и обществе на протяжении существования данной области или района.

Множество работ посвящены изучению топонимов Владимирской области, среди них исследования В. В. Носковой, Р. С. Кануновой, Н. В. Морохина, Н. Н. Воронина, В. В. Волкова и др. Анализ владимирских ойконимов весьма интересен ввиду богатой истории региона: так, в ойконимической системе Владимирской области обнаруживаются как древние, так и недавно возникшие в языке топоформанты.

Известный русский лингвист В. А. Никонов в труде «Введение в топонимику» представил анализ топонимообразования России. Ученый указал, что словообразование долго не оформлялось в отдельный раздел языкознания. Соответственно, изучением образования ойконимов стали заниматься ещё позднее, хотя данный пласт языкового материала требует тщательного анализа [Никонов 2010: с. 64].

В. А. Никонов пришёл к выводу, что отличительной чертой славянского топонимообразования является суффиксация как основной способ синтеза новых слов. Данную особенность можно признать национально специфичной. Так, к примеру, в немецких землях в топонимообразовании преобладает словосложение (*Франкфурт, Гамбург*), в то время как из русских названий населённых пунктов суффиксальны более 90 процентов. Однако нужно помнить, что зачастую суффиксации сопутствует префиксация и пр. [2, с. 67 – 68].

В лингвистике принято называть окостеневшие (т. е. слившиеся с флексией) форманты *-их(а)*, *-иц(и)* и другие суффиксами, однако, как утверждал В. А. Никонов, это не совсем точно. В настоящей статье будет использоваться термин «топоформант» в том же значении. В. А. Никонов к числу наиболее древних топоформантов относил следующие: *-ец*, *-иц(а)*, *-ск-*, *-ище(и)*, *-их(а)*. В настоящей статье будет предпринята попытка анализа функционирования ойконимов Владимирской области с древним топоформантом *-их(а)*.

Формант *-их(а)* вне топонимии традиционно обозначает женщин по мужу (к примеру, *Павлиха* – жена Павла), а также по занятию или чертам характера и внешности (*купчиха, трусиха*). В диахроническом топонимообразовании данный формант обычно имел значение принадлежности или определённого свойства, чаще всего отрицательного (*Иваниха, Голодаиха*). Как отмечал В. А. Никонов, ни один формант не образовывал столько пейоративных топонимов [Там же, с. 75].

Наиболее широко топонимы (и ойконимы, и гидронимы) с таким формантом распространены в Ивановском Поволжье – от Кинешмы и Юрьевца до Балахны и Нижнего Новгорода. На Клязьме (реке, пересекающей Владимирскую область) ойконимы с топоформантом **-их(а)** принадлежат к историческому пласту лексики XIII – XVI вв. Однако В. А. Никонов указал, что на территории области формант **-их(а)** по историческим причинам не доминировал [2, с. 75].

Обратимся к анализу ойконимов Владимирской области. Среди 2,5 тыс. названий населённых пунктов были отобраны ойконимы с топоформантом **-их(а)**. В ойконимии 16 районов Владимирской области данный топоформант представлен следующим образом (см. таблицу): в Ковровском районе таких названий 17, Вязниковском – 11, Собинском – 9, в остальных – 6 и менее. В некоторых районах не представлено ни одного подобного ойконима (Киржачском, Меленковском, Петушинском).

Владимирские ойконимы с древним топоформантом *-их(а)*

Район	Количество	Примеры ойконимов
Александровский	4	<i>Копылиха, Курганиха, Степаниха</i> (две деревни с таким названием)
Вязниковский	11	<i>Беляиха, Большомотиха, Гуляиха, Желобиха, Курбатиха, Рябиха, Табачиха, Торчиха, Трухачиха, Федосеиха, Якушиха</i>
Гороховецкий	1	<i>Кошелиха</i>
Гусь-Хрустальный	2	<i>Маслиха, Облетиha</i>
Камешковский	6	<i>Гатиха, Фомиха, Жуиха, Лошаиха, Макариха, Сергеиха</i>
Киржачский	0	–
Ковровский	17	<i>Аксёниха, Бабериха, Верхутиха, Говядиха, Дорониха, Ениха, Игониха, Кочетиха, Кузнечиха, Мальчиха, Мошачиха, Обращиха, Rogozиниха, Сувориха, Суханиха, Ширилиха, Юдиха</i>
Кольчугинский	6	<i>Журавлиха, Лаврениха, Микляиха, Сукманиха, Ульяниха, Шишлиха</i>
Меленковский	0	–
Муромский	1	<i>Шумилиха</i>
Петушинский	0	–
Селивановский	3	<i>Вощиха, Лукояниха, Таковиха</i>
Собинский	9	<i>Анфимиha, Астаниха, Максимиха, Митрофаниха, Некрасиха, Степаниха, Угрюмиha, Фролиха, Шувалиха</i>
Судогодский	1	<i>Коростелиха</i>
Суздальский	5	<i>Обращиха, Алфериха, Катраиха, Пантелиха, Теплениха</i>
Юрьев-Польский	3	<i>Карабаниха, Княжиха, Чувашиха</i>

Наличие древнего топоформанта *-их(а)* в ряде географических названий подтверждает, что активное заселение некоторых районов продолжалось и в XIII – XVI вв. Стоит отметить, что значение данного форманта в выделенных ойконимах не всегда определяется чётко. Так, к примеру, можно утверждать, что в названиях типа *Степаниха, Фомиха, Сергеиха, Максимиха, Митрофаниха* и подобных анализируемый формант имеет значение принадлежности.

Наряду с указанной группой названий имеются такие, в которых

формант *-их(а)* обозначает какую-либо черту характера или внешности, указывает на социальное положение, к примеру: *Шумилиха, Угрюмиха, Княжиха*. Однако сложно установить значение указанного топоформанта в ойконимах типа *Болымотиха, Таковиha* и др.

Рассмотрим составленную на основе проведенного анализа владимирских ойконимов карту (см. рисунок). Серым выделены районы с наибольшей представленностью топоформанта *-их(а)*.



Карта распространения топоформанта

Таким образом, топоформант *-их(а)* характерен для ойконимов Владимирской области, однако число таких названий составляет 69 единиц, т. е. около трех процентов от общего количества. Соответственно, процесс образования большей части названий происходил не в XIII – XVI вв. (тогда доминировал формант *-их(а)* и др.), а ранее, что доказывается сведениями, приведёнными В. А. Нико-

новым. Несмотря на небольшую активность топоформанта в области, он не потерял своих семантических свойств: сохранилось значение принадлежности, черт характера, внешности и т. д. Перспектива дальнейшего исследования состоит в углублённом анализе других топоформантов, при помощи которых шло образование ойконимов Владимирской области.

Библиографические ссылки

1. Королёва И. А. Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского приграничья // Неофилология. 2021. Т. 7. № 27. С. 425 – 433.
2. Никонов В. А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.
3. Шипицына Г. М., Геращенко М. Б. Изменения в языке как следствие изменений в жизни его носителей // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2012. № 1. С. 200 – 204.

Е. А. Kuznetsova, E. A. Fadeeva

**TOPOFORMANT -IH(A) IN THE OIKONYMY
OF THE VLADIMIR REGION**

This article presents a formant analysis of oikonyms of the Vladimir region. As a result of studying the geographical names, the distribution area of the topoformant -ih(a) in the region was identified. It was concluded that there are a small number of oikonyms with this morpheme relative to the total number of geographical names in the region, however, the presence of various semantic variations of the topoformant was confirmed.

Keywords: oikonym, topoformant, distribution area, Vladimir region, toponymy.

УДК 881.161.1

Н. А. Сафронова, Д. Э. Искандарова

**О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИМЁН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРОФЕССИИ**

В статье рассматриваются особенности функционирования в русском языке имён существительных, обозначающих лиц по профессии. Определены основные группы таких существительных по отношению к роду. Отмечается увеличение количества феминитивов среди анализируемых существительных, которые получают всё более широкое распространение в разговорной речи.

Ключевые слова: имена существительные, наименование профессий, феминитивы, русский язык.

В современном русском языке профессия. Эти имена существительных существуют большая и постоянно пополняемая группа имён существительных, обозначающих лиц по образованию, так и в функционировании.

На особенности имён существительных, называющих человека по профессии, роду деятельности или занятиям, обращали внимание многие исследователи: рассматривались вопросы образования таких имён существительных, уделялось внимание категории рода в словах данной группы, изучалась проблема возникновения и расширения использования в русском языке феминитивов. Цель нашей работы – рассмотреть особенности функционирования имён существительных, называющих лиц по профессии, определить группы этих существительных по отношению к способам выражения в них родовой принадлежности.

В «Справочнике по правописанию и стилистике» Д. Э. Розенталь, анализируя существительные со значением обозначения лица по роду занятий и профессии, выделяет три большие группы таких существительных:

1) слова без парных образований (*педагог, геолог* и др.);

2) парные образования, принятые в нейтральных стилях речи (*артист – артистка; писатель – писательница* и др.);

3) парные образования, используемые в разговорной речи (*доктор – докторша, сторож – сторожиха*) [7].

Расширение сферы профессий, в которых постоянно увеличивается доля женщин, привело к тому, что имена существительные первой группы стали обозначать как лиц мужского, так и женского пола. Это позволяет некоторым исследователям относить их к существительным общего рода. Однако большинство лингвистов считают такие слова существительными мужско-

го рода: «Переход слов типа *врач, доктор, профессор* в разряд существительных общего рода не закончен: если выражения типа *врач сказала* допустимы в разговорной речи, то выражения типа *хорошая врач* являются просторечными, а их употребление в формах косвенных падежей (вроде **увидел хорошую врача*) вообще исключено» [4, с. 540 – 541]. Отмечается, что указание на женский пол лица осуществляется «синтаксически, ...путем постановки сказуемого в форме женского рода» [7], а связь между глаголом-сказуемым и именем существительным, называющим человека по профессии и роду занятий, можно назвать координацией по смыслу: *Доктор прописал больному лекарство. – Доктор прописала больному лекарство*. В то же время определения при таких существительных, как отмечалось ранее, используются в форме мужского рода, то есть связь между определением и именем существительным мужского рода может быть квалифицирована как формально-грамматическое согласование. Зачастую в составе предложения используются формы прилагательного мужского рода и глагола женского рода: *Коммерческий директор Наумова подписала документы*.

Исследователями отмечается, что некоторые имена существительные изначально называли профессии, характерные для женщин (*маникюриша, медсестра, балерина*). Судьба таких существительных сложилась по-разному. Одни из них образовали парные имена существительные (напр., *медбрат*), другие не имеют парных существительных, обозначающих лиц мужского пола (напр., *маникюриша*),

в третьей группе для обозначения лиц мужского пола «используются описательные выражения: артист балета...» [7], иногда парное по роду имя существительное имеет ярко выраженную оценочную или стилистическую коннотацию. Например, в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова есть слово «*балерун*» – «шутливое. Артист балета, танцовщик» [1].

Вторая группа существительных, которую, на наш взгляд, достаточно условно можно назвать «парными образованиями, принятыми в нейтральных стилях речи» [6] типа *преподаватель – преподавательница*, позволяет утверждать, что в употреблении существительных женского рода есть ряд ограничений: «...в официально-деловом стиле предпочтительно сохранять форму мужского рода, когда речь идет о номенклатурном наименовании должности» [6]. Сам термин «нейтральные стили речи», предложенный в вышеупомянутом справочнике Д. Э. Розенталя, требует уточнений. Вероятно, речь идет о том, что в наиболее строгих книжных стилях речи – научном и официально-деловом – употребление существительных женского рода оказывается нежелательным, хотя словари, как правило, не содержат стилистических помет, касающихся слов женского рода этой группы (например, *учительница, продащица* и др.) [Там же]. В. В. Виноградов отмечал, что при обозначении лиц по роду деятельности «формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, ...обозначение социальной роли человека» [2], что «в категории муж-

ского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола, ...в именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резче и определеннее» [Там же]. Данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что в художественном, публицистическом и даже разговорном стилях нередко для обозначения лица женского пола используются имена существительные мужского рода: *Бабушка работала учителем русского языка и литературы и привить мне любовь к классике считала своим святым долгом* (М. Нестеренко. Пушкин как детская психотравма. Нестриженные ногти, бакенбарды из ваты и Пушкин-еврей); *Во-первых это здорово, когда сильный учитель, требовательный, а не пофигистка какая-нибудь...* (Форум Наши дети: Дошколята и младшие школьники (2005)).

Отсутствие форм женского рода в некоторых случаях объясняется тем, что в языке уже есть слова, сходные по форме, которые имеют другое значение: «...к слову *овчар* нельзя было образовать параллельное название «*овчарка*» (по модели *дояр – доярка*), поскольку это слово уже закрепилось как название породы собак» [7].

Слова третьей группы, имеющие парные образования, используемые только в разговорной речи, нередко имеют просторечный оттенок и пренебрежительно оценочное значение, что препятствует их функционированию в литературном языке: *кондукторша, врачиха*. Особенно это относится к именам существительным на *-иха*. Отмечается «стилистическая сниженность “женских” вариантов названий

профессий по сравнению с “мужскими”... Статус врачихи значительно ниже статуса врача» [8, с. 139]. Д. Э. Розенталь отмечает, что широкому распространению таких существительных зачастую мешает «присущая им двусмысленность: они могут быть поняты как название жены человека соответствующей профессии и как название действующего лица» [7]. Например, у слова *фермерша* наряду со значением «жен. к сущ. *фермер*» ещё и значение «жена фермера» [3].

В последние десятилетия отмечается увеличение в речи феминитивов, в том числе в тех случаях, когда в литературном языке уже существуют имена существительные женского рода для обозначения лиц женского пола по роду занятий [4]. Так, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова встречаются феминитивы к слову *директор* – «директорша (разг.) и директриса (в учебных заведениях, устар., теперь разг.)» [6]. Однако тенденция к увеличению в языке количества феминитивов приводит к тому, что устоявшиеся формы существительных женского рода дополняются новыми, например, существительным с суффиксом *-к(а)*: *директорка* [5, с. 420]. Активно используются феминитивы «для обозначения женщин в новых профессиях, появившихся в последние десятилетия XXI в. (...*блогер* – *блогерка*, *менеджер* – *менеджерка*...)» [Там же]. Наиболее частотными суффиксами для образования феминитивов-неологизмов оказываются суффиксы *-к(а)* и *-ш(а)*. Вновь образуемые феминитивы чаще всего остаются за пределами русского литературного языка. В публицистике и научной среде развора-

чиваются активные дискуссии по поводу корректности и целесообразности использования вновь создаваемых феминитивов, однако нельзя отрицать, что они становятся фактом современного языка.

Некоторые существительные, называющие лицо по профессии, имеют не один феминитив, а сразу несколько. Так, существительное *учитель*, по данным «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова, имеет общеупотребительный феминитив *учительница* [6]. Однако выявленные в Национальном корпусе русского языка контексты (3296 примеров) позволяют утверждать, что слово *учительница* употребляется в основном в разговорной или художественной речи, где не требуется официальное название профессии, при этом иногда имеет негативную окраску: *У дочери хоть 1 учительница-мучительница, а этому приходится целыми днями терпеть уже 4 год* (Форум Наши дети: Подростки (2004)). Были отмечены и контексты, когда слово *учительница* использовано в публицистическом стиле, где не имеет никакой окраски и просто указывает на женский пол: *По две посылки отправлены бедствующим семьям Панченко (Челябинская обл.), Черновым (Марий Эл), Бражкиным (Пермская обл.) и семь посылок – одинокой учительнице из Удмуртии Антониде Лесниковой с двумя дочерьми* (Помогите, пожалуйста! // «Домовой». 2002. 4 апр.). Примеров употребления слова *учительница* в официально деловом или научном стиле выявлено не было, вместо него используется слово мужского рода *учитель*.

Анализ более новых словарей [1; 3] и примеров словоупотребления в Национальном корпусе русского языка позволил выявить другие названия лиц женского пола той же профессии: *учительша, училка, учителка*. Наиболее нейтрально слово *учительница*, которое является литературным и отражено во всех толковых словарях русского языка. Остальные выходят за рамки литературного языка, имеют просторечный, жаргонный или диалектный характер и часто оттенок пренебрежительности, снабжаются в словарях пометами (сниж., разг.-сниж., обл., пренебреж., прост.).

Таким образом, в современном русском языке существует большая и постоянно пополняемая группа имён существительных, обозначающих лиц по роду занятий или профессии. Такие

имена существительные имеют особенности в употреблении. Все рассматриваемые существительные могут быть разделены на три основные группы по отношению к роду: имеющие только формы мужского или женского рода; существительные мужского рода, имеющие пару женского рода, которые могут употребляться в разных стилях речи; имена существительные мужского рода, имеющие парные существительные женского рода, употребляемые только в разговорной речи. В настоящее время происходит активное пополнение первой и третьей групп за счёт возникновения неологизмов, называющих профессии, которых не было прежде, а также за счёт образования феминитивов, многие из которых активно используются в разговорной речи.

Библиографические ссылки

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 07.02.2025).
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Электронный ресурс]. URL: [tps://slovari.ru/default.aspx?0a0=2&p=5310&s=0](https://slovari.ru/default.aspx?0a0=2&p=5310&s=0) (дата обращения: 07.02.2025).
3. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. 3. Р – Я [Электронный ресурс]. М. : АСТ, 2006. 976 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index-212.htm#212> (дата обращения: 17.02.2025).
4. Русский язык : учеб. для студентов учреждений высш. проф. образования / Л. Л. Касаткин [и др.] ; под ред. Л. Л. Касаткина. 4-е изд., перераб. М. : Академия, 2011. 784 с.
5. Кубаева А. В. Новая волна феминитивов в современном русском языке [Электронный ресурс] // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3. С. 418 – 422. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-volna-feminitivov-v-sovremennom-russkom-yazyke> (дата обращения: 17.01.2025).

6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. М. : АСТ, 2018. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6639> (дата обращения: 17.02.2025).

7. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и стилистике [Электронный ресурс]. М. : Комплект, 1997. URL: https://pravopisanie_i_stilistika.academic.ru/147 (дата обращения: 17.02.2025).

8. Ćuto E. Род имён существительных в названиях профессий // *Croatica et Slavica Iadertina* (1845 – 6839). 2005. № 1. P. 135 – 151.

N. A. Safronova, D. E. Iskandarova

ON THE FUNCTIONING OF NOUNS DENOTING PROFESSIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article examines the peculiarities of functioning of nouns denoting persons by profession in the Russian language. The main groups of such nouns in relation to gender are determined. An increase in the number of feminitives among the analyzed nouns is noted, which are becoming increasingly widespread in colloquial speech.

Keywords: nouns, names of professions, feminitives, Russian language.

УДК 81.367

О. И. Соколова, Р. В. Барахов

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ КАК ФОРМА АВТОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ТЕКСТЕ

Статья посвящена анализу пояснительных конструкций в художественных текстах. Устанавливается, что среди всех типов пояснительных конструкций наиболее метафункционально ориентированы те, которые выполняют интерпретирующую функцию, предлагая субъективную трактовку явлений.

Ключевые слова: интерпретация текста, пояснение, уточнение, пояснительная конструкция, пояснительные отношения.

Введение. Восприятие текста – сложный, многоплановый процесс. Известно, что автор никогда до конца не может быть понят читателем, заложенные автором смыслы не всегда лежат на поверхности, субъективный образ текста порой может не совпадать с авторским замыслом, поэтому

писатель стремится помочь читателю, направить его внимание на неочевидное. Восприятие текста лишь через фабулу мало способствует пониманию замысла автора. Погружение в произведение, осознание его аллюзивности, считывание реминисценций происходит постепенно – от интер-

претации отдельных слов к постижению целого.

Поскольку один и тот же текст может быть понят по-разному в зависимости от особенностей восприятия, когнитивных умений осознавать метасмыслы, читатель нуждается в некотором «руководстве» со стороны автора. Автор помогает понять текст, давая ему определенное название, выводя систему персонажей, наделяя их именами; значима экспозиция, включающая хронотоп, существенны лирические отступления, ремарки (в драме), художественная деталь, портрет, пейзаж, интерьер – все то, что не движет действие (глубинные слои текста), но составляет его архитектуру.

Понять способ творческого мышления автора можно через маркеры субъективной модальности, автор присутствует в тексте, предлагая разного рода замечания – вводные, вставные, пояснительные конструкции. Авторское пояснение смысла слова или выражения позволяет понять, на что он считает необходимым указать, какое дополнительное сообщение донести, на чем важно остановить внимание читателя.

Сущность пояснительных конструкций. К понятию *пояснение* возможно несколько подходов, которые могут быть условно обозначены как «широкий» и «узкий». «Широту» подходов связывают прежде всего с обозначением пояснения как родового названия по отношению к пояснительным, уточняющим и присоединительным конструкциям; кроме того, пояснительное значение могут иметь не только обособленные члены, включая приложения, но иногда и конструкции

со значением «включения», однородные члены с обобщающим словом. Понятие «пояснение» может охватывать и более широкий круг явлений: отношения между предикативными единицами или смысловыми блоками в составе сложных предложений. На пояснительные отношения при изучении интонации в простом и сложном предложении указывал еще А. М. Пешковский [7, с. 470]. При таком подходе под пояснением понимается «тип синтаксического отношения между членами предложения или предложениями, при котором разные номинации отнесены к одному и тому же объекту действительности» [13, с. 81].

Согласно более узкому подходу поясняющие члены могут являться родовым понятием по отношению к двум видовым – поясняющим в узком смысле и уточняющим [11; 12; 15 и др.], иногда к ним добавляют и значение включения [8].

Наконец, под пояснением понимается пояснительная конструкция, чаще всего поясняющий член маркирован союзом *то есть* или его аналогами (уточняющие члены рассматриваются особо) [3]. Логическую основу пояснительных отношений составляет мысль о тождестве, в пояснительных конструкциях второй член «синтаксически дублирует» первый, при уточнении совпадение объемов понятий не полное, а частичное, при этом подчеркивается, что провести четкое различие между понятиями «уточнение» и «пояснение» не всегда легко [1, 160; 3, с. 242 – 244; 9, с. 17; 11, с. 264 и др.].

Пояснение – «своего рода толкование одного слова другим, вследствие чего они представляют один

усложненный член предложения» [5, с. 202]. Особенность пояснительной конструкции заключается в том, что «выражаются отношения не между предметами и явлениями, а между обозначениями одного и того же предмета или явления» – иными словами, выражаются отношения между знаками, при этом второй выполняет функцию объяснения первого, то есть метафункцию, и грамматически маркируется метасредствами *то есть, а именно* и т. д. [15, с. 129]. Таким образом, пояснительные отношения могут быть названы метаотношениями [Там же, с. 128].

Наиболее частотным средством связи, наряду с особой интонацией, является союз *то есть*, поскольку именно он обеспечивает «самое точное выражение тождества (собственно отождествление)», его аналогами будут выступать *или, а именно (именно), как то, будь то*, а также стилистически маркированные *то бишь, сиречь* [8, с. 67].

Кроме того, в функции пояснительных союзов выступают другие служебные слова: *вернее, точнее, иначе говоря, иными словами, попросту говоря, лучше сказать, скорее, попросту; в том числе, такие как, как например; например, скажем, положим, в частности, в особенности (особенно), прежде всего, в первую очередь, по крайней мере, главным образом; даже, хотя бы; уже, собственно, именно* (в значении ‘уже’) [8, с. 67; 13, с. 27]. В качестве новой скрепы со значением пояснения в исследованиях рассматривается и сочетание *в смысле* [подробнее о нем см.: 4].

Согласно А. Ф. Прияткиной, пояснительные конструкции выполняют

собственно-пояснительную функцию, служа «адекватности языкового выражения», объясняя, толкуя термин, иноязычное слово, диалектизм, арго-тизм и так далее, или контекстуально-уточняющую функцию, представляя «именно то значение многозначного слова, которое важно в данном контексте»; *интерпретирующую* – предлагая субъективную трактовку явления; наконец, *корректировочную* функцию, давая «второе наименование, которое более соответствует действительности» [10, с. 132 – 134].

По мнению В. И. Чуглова, пояснительные конструкции могут передавать значение «отождествления путем *собственно пояснения* (союзы *то есть, или, устаревшие то бишь, сиречь*)», значение *отождествления путем конкретизации* (союзы *а именно, именно; чаще, однако, без них*)»; а также значение *отождествления путем уточнения* без маркирования специальными союзными средствами [15, с. 129], последняя группа – уточняющие члены в узком смысле.

К «собственно пояснению» относятся разные частные обобщаемые этим значением случаи пояснения: разъяснение, интерпретация, сообщение нового, оценка и т. д. Интересно, что, в отличие от классификации А. Ф. Прияткиной, где союзные средства могут присоединять конструкции разного функционального назначения, В. И. Чуглов связывает выражаемые значения прежде всего с семантикой союзных средств.

Пояснительные конструкции в текстах. В пояснении нуждаются словоформы, не наполненные смыслом вне контекста, – местоимения типа

другой, иной, тот, такой, наш, ваш и прочие, прилагательные *похожий, вчерашний, прежний, новый, старый, обычный* и подобные, наречия *по-своему, по-новому, по-старому* и подобные, порядковые числительные *первый, второй* и далее, которые адресуют читателя к понятию самого общего свойства и без пояснения не могут быть им правильно поняты. Таково, например, употребление: *И перетолковывает по-своему, то есть по самому страшному, не совместимому с жизнью* (Ю. Домбровский) – наречие *по-своему* может быть истолковано читателем по-разному («по-своему»). БТС предлагает следующие значения: 1) По своему желанию, усмотрению, на свой лад. 2) Сообразно своим свойствам, качествам; по-особому, своеобразно [2]. Лишь автор может конкретизировать свой замысел, поэтому он прибегает к пространному объяснению того, что означает делать «по-своему».

В предложении: *Правда, наш плотник был охотником совсем до другого, а именно – до водочки* (И. Павская). Местоимение *другой* имеет неопределенное значение: так, согласно БТС, оно обозначает: 1. Не этот, не данный. 2. Противоположный (о береге, стороне чего-л.). 3. Не такой, как этот (или прежний); иной. 4. Второй, следующий. 5. Разг. Какой-л. иной, некоторый [Там же]. Автор в пояснительной конструкции не только наделяет смыслом местоимение *другой*, но и вносит оттенок иронии, употребляя разговорное существительное *водочка*.

Иногда введение таких конструкций необходимо для пояснения

реалий, непонятных слушателю (лексика, относящаяся к пассивному словарному запасу, пласту лексики ограниченного употребления): *Он поднимал коня на дыбы, бросал его в галоп, заставлял делать чераз, то есть скользить по траве, и многое другое* (Ф. Искандер); *А Бродский с шестнадцати лет ездил в геологические экспедиции и умел зажигать спички «об седло» – в смысле об джинсы на ягодицах* (И. Стогов); *Мыкола оказался нотный. То есть опытный и знающий* (А. Купер).

Название, имя персонажа, упомянутая деталь могут быть неверно истолкованы или просто остаться незамеченными читателем, поэтому автор прибегает к подсказке – объяснению: *Грехи высокопоставленных чиновников, а именно корыстолюбие и жажда власти, никого не пустили в рай – а может быть, в Армагеддон* (О. Славникова). Так, существительное *грехи*, согласно БТС, употребляется в нескольких значениях: «1. В христианском вероучении: нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, религиозных предписаний, церковных правил. 2. Предосудительный поступок, недостаток. 3. (с отриц.). Хорошо, следовало бы; позволительно, можно» [Там же]. Для отграничения понятия от схожих во избежание интолкования автор включает в предложение конструкцию с союзом *а именно*, который конкретизирует значение абстрактного существительного: *а именно корыстолюбие и жажда власти*.

Пояснительная конструкция регулярна для конкретизации выражаемых понятий: *Шестым положительным пунктом (в моих глазах)*

было внимание к ее миловидности со стороны самих служителей музы, а именно *господ живописцев* (М. Палей); *Ведь совершенно необязательно докладывать, что на самом деле она старший менеджер по уборке помещений, то есть попросту горничная* (И. Левитас).

Наибольшим метафункциональным потенциалом обладают те конструкции, которые выполняют интерпретирующую функцию, давая субъективную трактовку слова, явления.

Г. П. Уханов, также отмечая, что пояснительные члены выражают значение тождества, указывает на «тавтологичность» пояснительной связи: пояснение «не двигает изложение дальше, так как передает синтаксические отношения между компонентами, которые называют один и тот же кусочек действительности» [14, с. 338]. С этим нельзя не согласиться, пояснительная конструкция, действительно, обозначает, как и поясняемое слово, один денотат, вторая номинация «относится к тому же объекту, что и первая» [10, с. 131 – 132]. Но эта тавтологичность объясняется желанием автора дать необходимые, с его точки зрения, комментарии к употребленному слову или обозначенной реалии.

Например, в предложении: *Черное море было великолепным, ослепительным, соленым, как бочка с селедкой, Влад говорил с евреями о высших материях, то есть о Жириновском* (Э. Лимонов) – абстрактное существительное *материя* имеет весьма неопределенное значение и не раскрывает авторский замысел должным образом. Так, с одной стороны, для конкретизации значения существительно-

го автор использует союз *то есть*, который разграничивает данное понятие, делает его однозначным. С другой – создает эффект комичности, сталкивая «высокое» существительное с вполне материальным воплощением.

В предложении: *Остался Венька с носом, то бишь с книгой...* (О. Абакумова) – авторская ирония проявляется в том, что в пояснительной конструкции конкретизация значения фразеологизма *остаться с носом*, означающего ‘потерпеть неудачу, оказаться одураченным’ [6, с. 450], вводится просторечным пояснительным союзом *то бишь*.

В некоторых случаях пояснительная конструкция по функции как будто меняется позицией с поясняемым словом: – *Разрешите, – говорит, – я как автор пару слов про концепцию скажу... про основную идею то есть* (Г. Яхина); *Я, внук врага народа, то есть чесир в чистом виде, член семьи изменника родины, мог бы лазить по помойкам, собирать лебеду, а скорее – дикий лук, растущий на скалах* (А. Купер); *И для того чтобы эту сохранность обеспечить, Парфенкова поместили под арест в самом подходящем месте, а именно в комнате Кости Воронина* (А. Моторов).

Пояснительные конструкции могут носить и более необходимый характер, когда «левый» компонент конструкции может быть истолкован даже с противоположным значением: *Где ваша невеста... то бишь бывшая жена?* (А. Мацанов). В данном случае автор использует пояснительную конструкцию для конкретизации значения существительного *невеста*: согласно толковому словарю, слово употребля-

ется в двух значениях: «1. Девушка или женщина, вступающая в брак, имеющая жениха. 2. О девушке, женщине, намеревающейся выйти замуж» [2]. Существительные *невеста* и *жена*, образующие в языке практически антонимическую пару, здесь вступают в отношения тождества, что также создает комический эффект. То же: *Посмотрела на часы, отцовский подарок, они показывали половину третьего. То есть стояли. Подъехал совершенно пустой трамвай, пятидесятый номер* (Л. Улицкая); *...не завидую я нашему узнику в том, что ему предстоит испытать, я сам буду первым наблюдателем, а именно палачом, затягивающим петлю* (Е. Радов). Пояснительная конструкция помогает передать иронию, реализовать комический эффект. Так, в предложении: *Свержение Помпеем Слепого – вернее, его разрекламированное намерение – тоже часть игры* (М. Петросян) – автор использует пояснительную конструкцию, с одной стороны, для конкретизации значения абстрактного существительного *свержение*, с другой – для реализации комического эффекта: существительное, относимое некоторыми толковыми словарями к книжной лексике, намеренно снижается разговорным словом *разрекламированный*, за счет чего и создается комический эффект.

В предложении: *И это он нес за плечами отцовский рюкзак со всем необходимым, а именно с большим числом бутылок огненной воды* (А. Битов) – в субстантивированной форме *необходимое* автор парадоксальным образом скрыл шутливую окраску слова, без пояснительной конструкции

в сочетании со словом *рюкзак* оно было бы воспринято совершенно иначе.

В предложении: *Похожа на фараона в саркофаге, в смысле – высохшая, как мумия* (Д. Рубина) – значение словосочетания *фараон в саркофаге* может быть осмыслено по-разному: например, оно может свидетельствовать о высоком статусе персонажа или о его заточении; для разграничения понятий писательница вводит пояснительную конструкцию, маркированную союзным средством *в смысле*. Рассуждая так, что *глухим во всех смыслах может быть и тот человек, который обладает слухом, и принимая во внимание, что жалоб собственно на потерю слуха со стороны контуженого больше не поступало, одариваемые по очереди признавали Абдуллу Ибрагимовича Абдуллаева годным для продолжения службы, то есть совершенно здоровым* (О. Павлов) – в пояснительной конструкции автор иронично резюмирует, что контуженного человека можно признать «совершенно здоровым».

Во многих случаях авторы намеренно используют эвфемизмы, которые требуют пояснения: *Но Толкаченке, отлично узнавшему происшедшее, вздумалось к вечеру бросить возложенную на него Петром Степановичем роль при Лямышине и отлучиться из города в уезд, то есть попросту убежать* (Ф. Достоевский) (Ср.: отлучиться – ‘удалиться, уйти’); *Через неделю Андрею Ефимычу предложили отдохнуть, то есть подать в отставку, к чему он отнесся равнодушно, а еще через неделю он и Михаил Аверьяныч уже сидели в почтовом тарантасе и ехали на ближайшую железнодорожную станцию* (А. Чехов).

(Ср.: *отдохнуть* – ‘*провести некоторое время в отдыхе, восстановить свои силы отдыхом*’). То же: *Они хоть не сеяли и не жали, но урожай собирали – то есть попросту попрошайничали* (Ю. Домбровский); *Я так думаю – она после смерти вроде улья, который на другую пасеку, то есть в рай, перенесли* (М. Елизаров).

Заключение. Одним из способов общения автора с читателем является введение в текст пояснительных конструкций, маркированных определенными союзами. Пояснительные конструкции помогают читателю

осмыслить оценку автором персонажей, верно истолковать значение слова, содержание предложения и всего текста в целом. Через пояснительные конструкции происходит своего рода диалог автора с читателем. Как показывает анализ конструкций, преимущественно извлеченных из текстов современных авторов, более метафункциональными оказываются те пояснительные конструкции, в которых автор дает субъективную интерпретацию обыденных, частотных слов и явлений, которые без его комментария были бы восприняты читателем по-другому.

Библиографические ссылки

1. Бабайцева В. В. Поясняющие и уточняющие члены предложения // Избранное. 2005 – 2010 : сб. науч. и науч.-метод. ст. ; под ред. д-ра филол. наук, проф. К. Э. Штайн. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2010. С. 160 – 167.
2. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 07.02.2025).
3. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка : учебник. М. : Агар, 2000. 416 с.
4. Кузнецова Н. В., Почтарева О. В. Пунктуационное оформление пояснительных конструкций с метапоказателями (на примере метапоказателя «в смысле») // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 254 – 265.
5. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения. М. : Высш. шк., 2004. 560 с.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1956. 512 с.
8. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М. : Высш. шк., 1990. 175 с.
9. Прияткина А. Ф. Пояснение как синтаксическая категория // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию : сб. ст. к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной / отв. ред. Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 11 – 17.
10. Прияткина А. Ф. То есть // Словарь служебных слов русского языка. Владивосток : Изд-во ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. С. 131 – 141.

11. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 351 с.
12. Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М. : Наука, 1980. 709 с.
13. Синтаксис современного русского языка : учеб. для высш. учеб. заведений / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков [и др.] ; под ред. С. В. Вяткиной. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2013. 432 с.
14. Уханов Г. П. Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению // Исследования по славянской филологии. М. : Изд-во МГУ, 1974. С. 336 – 346.
15. Чуглов В. И. О пояснительных конструкциях и их разновидностях // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 4. С. 127 – 131.

O. I. Sokolova, R. V. Barakhov

**EXPLANATORY CONSTRUCTION
AS A FORM OF AUTHOR'S PRESENCE IN THE TEXT**

The article is devoted to the analysis of explanatory constructions in literary texts. It is established that among all types of explanatory constructions, those that perform an interpretive function, offering a subjective interpretation of the phenomenon, are the most metafunctional oriented.

Keywords: interpretation of text, explanation, clarification, explanatory construction, explanatory relations.

К ВОПРОСУ О ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Конфессиональная политика в Российской империи после событий 1905 года приняла несколько иной оборот. Наличие «неправославных» граждан в управленческих структурах официально не табуировалось, а в регионах с традиционно иной религией даже поощрялось. В статье анализируются некоторые особенности централизации мусульман на территории Кавказа в начале XX века. Автор поднимает вопрос о роли Наместника Его Величества на Кавказе, а также раскрывает отдельные аспекты межконфессионального диалога того времени.

Ключевые слова: централизация мусульман, конфессиональный вопрос, Российская империя, религиозные права в УИС, духовное управление, межконфессиональный диалог.

Революция 1905 года способствовала укреплению мусульманской общественности на территории России, а свободная пресса, периодика и духовная литература выходят из тени. Ислам укореняется на территории Кавказа, а религиозные общины постепенно формируются в организацию, аналогичную церковной, хотя исторически институт церкви в исламе отсутствовал. Создание подобной структуры позволило исламской общине эффективно координировать свою деятельность в регионе, направляя ресурсы и кадры в наиболее нуждающиеся или перспективные области.

Рассматриваемый период интересен, прежде всего, с позиции анализа факта централизации мусульманских народностей на Кавказе, которая способствовала унификации идеологической платформы. Однако такой подход не мог не вызвать сопротивления как со стороны духовенства иного толка,

со стороны радикально настроенных этнических групп, исповедующих ислам, так и со стороны светских властей. Если одни усматривали в этих событиях посягательство на их авторитет и влияние, то вторые видели в этом греховные проявления и обвиняли сторонников централизации в организации совершения греха. Светская же власть усматривала в «объединении» угрозу стабильности и безопасности региона.

В этих условиях особую важность приобретает изучение истории российского ислама наряду с другими религиями России, которые следует изучать и многоаспектно анализировать, обеспечив тем самым защиту от ложной и искаженной информации, которая распространяется радикальными группировками с целью совершения экстремистских действий.

Продолжая политику сосредоточения, 27 марта 1917 года был образо-

ван временный президиум Мусульманского национального совета Баку во главе с Мамедгасаном Гаджинским. Комитет был создан с целью продвижения национальных политических идей и защиты прав мусульман. В кратчайшие сроки в бакинском дворце «Исмаилийе» прошел Бакинский съезд мусульман Кавказа, ярко показавший ключевую роль в национально-демократических процессах партии «Мусават» и Тюркского народного центра, возникших после Февральской революции соответственно в Баку и Гяндже. На первом заседании председателем был избран Топчибашев Али Мардан-бек, получивший известность как поборник прав мусульман [3, с. 93]. Он подчеркнул важность установления мира между народами Кавказа, идею поддержало большинство собравшихся делегатов.

На высочайшем уровне отчасти поддерживали политику единения народов Кавказа, однако исключительная самобытность им предоставлена не была. Восстановив в 1905 году должность наместника на Кавказе, Николай II предпринял тем самым попытку избавиться от дискриминации мусульман посредством наделения наместника особыми полномочиями, позволявшими ему самостоятельно решать местные вопросы с учетом кавказских религиозных традиций, обычаев и норм. Однако надежды на быстрое умиротворение региона не оправдались. Назначение графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова наместником столкнулось с рядом объективных трудностей, включающих социально-экономические противоречия между различными религиоз-

ными группами и слоями населения. Дело осложнялось господствующим приматом клановых интересов, саботажем инициатив наместника по улучшению жизни народа. Незакрытый земельный вопрос, связанный с неравномерным распределением ресурсов, вызывал недовольство масс, которое радикальные элементы использовали как призыв к свержению самодержавия и созданию независимого исламского государства. Эти же силы активно пропагандировали религиозную вражду и этнические конфликты, подпитываемые извне панисламистскими и пантюркистскими идеями.

Активная деятельность мусульман на территории Кавказа обсуждалась и за его пределами: на заседаниях правительства, органов местного управления, а также немусульманского населения. Вопросом регулирования «антиимперской» деятельности исламского населения ведало министерство внутренних дел в лице департамента духовных дел империи. Пенитенциарная практика в отношении представителей ислама также претерпела некоторые изменения после революционных событий. В первую очередь это касалось реализации ими своих религиозных прав и свобод. Д. М. Усманова отмечает, что среди прочих наиболее остро встали вопросы об организации в тюрьмах специальных молельных помещений для мусульман и более активном привлечении мусульманских духовных лиц к решению тюремных проблем [5, с. 190].

Официальную позицию государства можно проанализировать на примере записки «О мерах для противодействия панисламскому и панту-

ранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения» от 15 января 1911 г. «В последние десятилетия во всем мусульманском мире обнаруживается чрезвычайный подъем как религиозного, так и национально-культурного самосознания. Не оставшись чуждым и России, это движение проявилось среди населяющих ее разнородных и разноречивых народностей, исповедующих ислам, в явном стремлении их к тесному сплочению между собою на почве искусственно создаваемой татаризации, к обособлению от общегосударственных культурных задач и к духовному сближению с единоверными государствами, главным образом, с Турцией. Под влиянием внутренних и внешних событий 1904 – 1906 гг. движение в русском мусульманстве, руководимое из Турции переселившимися туда нашими подданными преимущественно из татар, опирающимися на своих единомышленников в России, приняло за последнее время особенно интенсивный и даже угрожающий историческим задачам русской государственности характер» [1, с. 124]. Заметим, что документ, помимо прочих пунктов, также уполномочивает губернаторов всех областей контролировать культурно-просветительские средства массовой информации по вопросу распространения среди мусульманского населения идей, противных началам русской государственности.

Стоит заметить, что со второго десятилетия XX века ислам, как и мусульманское население, постепенно укрепляет свое положение и выходит на уровень большой политики. Так, положительным шагом к укреплению

политического влияния мусульманской конфессии стал законопроект, который устанавливал право мусульман на участие в судебном заседании в качестве присяжных заседателей. Законопроект устанавливал положения, согласно которым «по существовавшим правилам присяжным поверенным можно было стать по решению уполномоченного совета присяжных или в случае его отсутствия – другого учреждения, заменяющего совет. Однако по высочайшему повелению 8 ноября 1889 г. введение в число присяжных поверенных лиц нехристианского вероисповедания должно было производиться министром юстиции по представлению уполномоченных советов (Свод законов Российской Империи. Т. XVI. Ч. I. Учр. суд. уст. Ст. 380). Судя по всему, данное постановление было направлено против иудеев, однако в итоге пострадали и мусульмане. Депутаты объясняли создавшееся положение недоразумением и, оставляя в стороне вопрос о еврейском равноправии, считали необходимым устранить, по крайней мере, ограничения по отношению к лицам, исповедовавшим ислам. Инициаторы законопроекта ссылались на то, что в России, особенно на Кавказе, существовала потребность в адвокатах-мусульманах, которые знали бы язык, традиции местного населения и могли бы оказать ему квалифицированную юридическую помощь. Дальнейшего движения рассматриваемый законопроект не имел [2]. Несомненно, данное положение оказало влияние не только на последователей мусульманской конфессии, но и на господствовавшее в то время общественное мнение.

Таким образом, можно заключить, что одной из характеристик Российской империи начала XX века стало усиление борьбы против воздействия ислама [4, с. 197], а также стремление властей контролировать централизованное религиозное объединение. Сами жители Кавказского округа в целом поддерживали идею объединения, однако со стороны традиционного духовенства и светских

властей оно вызвало сопротивление. Меры, предпринятые государственной властью для стабилизации ситуации на постреволюционном Кавказе, оказались недостаточными для комплексного решения проблемы. Были необходимы интеграционные действия для решения социально-экономических проблем и налаживания диалога между этническими и религиозными группами.

Библиографические ссылки

1. Записка «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюркскому) влиянию среди мусульманского населения». 15 янв. 1911 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 6. Л. 92 – 101. На бланке «Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел». Копия. Опубл. : Восток (Orient). 2003. № 2. С. 124 – 138.
2. Об отмене ограничений в правах на вступление в сословие присяжных поверенных для лиц мусульманского вероисповедания. 12 февраля 1914 г. // Государственная дума. Созыв 4-й. Сес. 2-я. Прил. к стенограф. отчетам. СПб., 1914. Т. 3. № 288.
3. Семенов И. А. Каритативная деятельность мусульманских благотворительных фондов России начала XX века // Modern Science. 2021. № 10-2. С. 93 – 96.
4. Семенов И. А. Предпосылки становления мусульманской каритативной деятельности в России начала XX века // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 195 – 197.
5. Усманова Д. М. Мусульманин в пенитенциарной системе Российской империи: свидетельства татарских эко-документов начала XX столетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 188 – 206.

I. A. Semenov

ON THE CENTRALIZATION OF MUSLIM COMMUNITIES IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Confessional politics in the Russian Empire took a slightly different turn after the events of 1905. The presence of «non-Orthodox» citizens in government structures was no longer taboo, and in regions with traditionally different religions, it was even encouraged. The article analyzes some features of the centralization of Muslims in the Caucasus at the beginning of the XXth century. The author raises the question of the

role of His Majesty's Viceroy in the Caucasus, as well as reveals certain aspects of the interfaith dialogue of that time.

Keywords: Centralization of Muslims, confessional issue, Russian Empire, religious rights in the CIS, spiritual governance, interfaith dialogue.

УДК: 2.1; 233.4; 294.51; 327

А. С. Тимошук

ИНДИЯ: ДИАЛЕКТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ

Индийцы сделали ставку на США в феврале 2025 г. Сможет ли Индия выдерживать свой срединный путь? Сможет ли Индия стать сверхдержавой? Станет ли Индия альтернативой Китаю? В чем отличие ментальностей соседей? Каковы стратегии индийского культурогенеза? В статье ставится вопрос о глобальной роли Индии в планетарном развитии; выясняется причина категориальной вариативности с точки зрения социально-экономических отношений и концептуализации культуры; анализируется ведийский идеал устойчивости с позиции будущего планетарной цивилизации. В статье представлена диалектическая структура взаимосвязи материального мира и феноменологии духа в индийском исполнении.

Ключевые слова: индоарии, Веды, Индия, Бхарата, мягкая сила, диалектический спиритуализм, диалектика мифа, модернизация, устойчивое развитие.

Введение. Новость о том, что 14 февраля 2025 г. в Вашингтоне состоялись переговоры Д. Трампа и Н. Моди фиксирует принципиально важный тренд, возможно, даже довольно тревожный для России. Поскольку встреча и соглашения, возможно, меняют долгосрочную систему подходов и взглядов России в Юго-Восточной Азии. В течение многих лет России удавалось сохранять равные отношения и с КНР, и с Индией. И вот сейчас, после подписания стратегического соглашения между Индией и США, стоит ли приходить к мрачному выводу о том, что Индия сделала разворот от России к США? Что Индия сделала свою став-

ку в будущей глобальной игре (планетарной схватке)? Сможет ли Индия и дальше выдерживать свою стратегию неприсоединения, не вставая однозначно на сторону ни одной из великих держав? Удастся ли Индии сохранить амбиции стать однажды великой державой?

Это не бессмысленные пропагандистские вопросы для пафосной риторики, как может показаться. В рамках устойчивого стереотипа или, может быть, даже мифа Индия предстаёт как основательница движения неприсоединения, которое выглядит как её философский, цивилизационный выбор. Насколько Индии удаётся быть в стороне от крупных блоков?

Действительно, она уже долго лавирует между Востоком и Западом, постколониалистами и бывшими колониями и даже привлекает своей позицией другие страны вроде Вьетнама, Индонезии и др. Вместе с тем среди неприсоединившихся находятся такие страны, как Египет, стратегический партнёр США; Беларусь, состоящая с Россией в Союзном государстве; Азербайджан, плотно присоединившийся к Турции; Иран, находящийся в противостоянии с США. Иными словами, движение неприсоединения стало, с одной стороны, данью красивым идеям Ганди и Неру, с другой – нельзя не отметить продолжающиеся конференции Non-Aligned Movement (NAM) и концептуализации диалога Юг – Юг.

Индия сама меняет свой фокус зрения, перемещая его со всего земного шара на именно ту часть планеты, где находится Индия и её интересы. Документ, который был подписан с США, продемонстрировал новые векторы взаимодействия, в том числе и с одной из крупнейших экономик мира. Индия – это та страна, которой США ещё могут сказать: «Слушайте нас». С Китаем уже такого не получится. Это Индии ещё можно продать истребители шестого поколения F-35, у Китая есть свои не хуже (J-36, J-50, J-XDS).

Экономический ультиматум для Индии в стандартной логике Трампа – выравнивание торгового баланса с США и выведение его к 2030 году на оборот 500 млрд долларов. Индия должна снижать налоги на американские товары, расширять присутствие флота США в Индийском океане. Бы-

ли подписаны также соглашения по энергоресурсам, развитию взаимодействия и безопасности. Вероятно, закрытая часть касалась и нефтяного рынка, ведь известно, что Индия и Китай выступают с 2022 года основными потребителями российской нефти. На Индию и Китай оказывается давление США, чтобы они принимали только «разрешённые» танкеры, которые не попали в санкционный пакет.

Внутри Индии есть разные бизнес-группы с различными интересами. Некоторые, естественно, заинтересованы в рынке США, имеют тесные связи с американскими деловыми кругами и готовы были бы пойти навстречу рестрикциям в отношении теневого танкерного флота. Однако другая бизнес-группа в Индии желает продолжать покупать дешёвую российскую нефть. Поэтому даже колоссальный приз в виде рынка США не позволяет Индии отказаться от нефтяных прибылей. Насколько будет меняться экономическая ситуация, настолько и индийцы будут меняться.

Индия, конечно, демонстрирует модификацию политики неприсоединения в последнее время, однако трудно представить, чтобы изменение было быстрым. К тому же участие Индии в БРИКС также является осознанным выбором. Торговый оборот с Россией, длительные отношения с Россией в атомной энергетике – взять и закрыть в угоду США эти проекты крайне тяжело.

Вместе с тем маловероятно, чтобы Индия заняла место Китая в мировой экономике. Дело здесь в ментальности. Индусы – мистики, а не прагматики, они ценят свободу и не очень

хорошо организованы. Демократия – это социальное благо, но она тормозит принятие решений. В Индии тормозятся отдельные важные стратегии в экономической политике, например налоговый кодекс принимался 15 лет. Из-за бюрократии и волокиты бизнес с Индией никогда не считался премиум инвестицией. Такое же торможение и в правовой сфере, что накладывает отпечаток на безопасность. Улучшения за двадцать лет есть, например, Индия по степени лёгкости открытия бизнеса поднялась со 130-го до 60-го места, но тем не менее на уровне штатов и муниципалитетов всё очень косо. Насилие в отношении женщин, чудовищная коррупция, убийство иностранных миссионеров, разбой по отношению к иностранцам, кражи, убийства из-за поедания говядины, вегетарианский экстремизм – всё это социокультурный инвестиционный фон Индии.

Китай начал экономические реформы с 1970-х и шел к ним последовательно и целеустремленно. Уже с середины девяностых КНР был супероткрытой бизнес-структурой, где правила были просты и выстроены для иностранных инвесторов. На этом фоне что-то сделать, открыть какой-то бизнес в Индии, особенно без взяток и местного шерпы – это очень смешная, и даже грустная история.

Маркетинг национальных символов мало помогает в изменении индексов коррупции, создании благоприятной деловой среды, доступности инфраструктуры и образования. Большинство этих проблем индустриализации имеют национальное происхождение. Иначе говоря, для успеха в бизне-

се необходимо ломать национальные устои и кастовую систему. Вместо этого Моди старается вытеснить из бизнес-среды английский язык, заставляя вести коммуникацию на хинди. Экономический национализм – это большие амбиции, но и большие проблемы. Феодалные нравы плохо уживаются с требованиями транспарентности, защитой прав инвестора, унификацией налогообложения. Так, производство КАМАЗа столкнулось с тем, что местные радикальные левые в сговоре с полицией регулярно устраивали саботаж производства ради получения преференций своим кланам. Символический капитал, создаваемый Моди, разрушается повседневной кастовой реальностью многовековой Индии. Со сходными «феодалными» проблемами столкнулись Walmart, Vodafone, Amazon, Nokia, Microsoft. Иначе говоря, семейственность как черта традиционной экономики оборачивается при индустриализации клановым капитализмом, тормозящим развитие, и никакой мифопоэзис древнейшей цивилизации не спасает положение [6].

Несомненно, Индия остаётся загадкой индоариев, духовной нацией, особо устроенной федерацией – ко всему этому можно и нужно относиться с уважением. Однако мир работает по правилам, которые сложились. И за историю, духовность и мистику не дают экономические бонусы. Маловероятно, что индусы готовы быстро поменять всё и стать вторым Китаем на международном рынке труда. Условия для нового Китая XXI века весьма специфичны и включают диктатуру местного лидера, диктатуру инвестора,

послушание трудового населения, культ образования и карьеры. Так было в Южной Корее, Гонконге, Сингапуре, Тайване. В самом Китае партия принимала решение – и оно было обязательным для исполнения. В Индии нет такой коммунистической партии. Как ни странно, Бхарата не годится, чтобы быть азиатским тигром из-за слишком высокого индекса свободы и демократии, который парадоксальным образом нивелируется действующей кастовостью.

У Китая и Индии, этих соседей, очень разные пути, хотя их и часто сравнивают в экономическом росте. Религиозные особенности, социальная стратификация (джати), слабая социальная мобильность (бедные остаются бедными) – слишком большая разница. Неторопливые индийцы не смогут поменяться по примеру Китая, хорошо это или плохо. Поэтому отставание от Китая высокое, это нужно объективно принять. Китайского чуда в Индии не будет. Цивилизационные особенности сопровождают Индию всю историю ее существования, включая длительное колониальное правление мусульман, а затем британцев.

В 2023 году Н. Моди встречали в США с овацией, устроили приём, которого когда-то удостоивались Б. Ельцин и В. Зеленский. В свою очередь, Н. Моди ездил также с визитом в Киев, демонстрируя свою поддержку суверенитета Украины в пределах её международно признанных границ и приверженность дипломатическому урегулированию конфликта. Вместе с тем Н. Моди воздержался от прямой критики Кремля, несмотря на то что

Украина обратилась к Индии за поддержкой в отражении российского вторжения.

Однако и негативные квазиколониальные моменты с США тоже накапливаются. Во время приема Н. Моди в 2025 году были допущены бестактности, которые требуют осмысления. В частности, Илон Маск привёл на встречу с Моди троих детей и подругу, что сразу же понижало статус мероприятия, и только либералы могли прокомментировать, что это демонстрация дружеских отношений на личном уровне.

Затем в начале 2025 года в Индию из США были депортированы нелегальные гастарбайтеры. Причём США направили транспортные самолёты через всю Индию в Амритсар (Пенджаб), как будто хотели унижить гордых сикхов и создать повод для экстремизма.

Индийцы, конечно, понимают, что ими манипулируют и в свою очередь сами манипулируют сложившейся ситуацией, в которой они в очередной раз понадобились США.

Индия: мифологические основы мягкой силы. Множественность глобализаций выступает более сильной артикуляцией мягкого понятия «многополярность». Экономические и производственные успехи человечества позволили появиться нескольким агентам культурного влияния. Подспудно существовавшие религиозный фактор, трайбализм, этничность, национализм, умноженные на фактор медиа и технологий, представляют уже угрозу региональной стабильности. Индийский вариант глобализации мало отличается

от других, когда в качестве факторов успеха выступают не только темпы роста производства и экономики, но также история, самосознание и даже мифология. Рассмотрим особенности индийской мифологии и то, как она используется в качестве мягкой силы.

Национальные идеологи используют традиционную мифологию для позиционирования на политическом ландшафте, конструируя отдельные цитаты из санскритских текстов как маркеры инклюзии, демократии, толерантности, гармонии, справедливости и достоинства. Открытие инфраструктурных объектов, а также огромных популярных в Индии мурти (скульптур) Ханумана, Рамануджи, Шивы и других религиозных инсталляций сопровождается речами политиков, связывающих ведийскую цивилизацию и современную полиэтническую Индию. На саммите G20 2023 года Индия не только применяла автохтонное самонаименование «Бхарата» из древнего эпоса про Пандавов, но связывала экологическую повестку с темами единства общей судьбы людей, животных и растений, в чем даже превосходила универсалистские стратегемы Китая [6].

Индия сегодня смелее других достаёт своё мифологическое прошлое и использует в медиакоммуникации, оспаривая научные взгляды на эволюционную антропологию, миграцию индоевропейских народов. События мифологической Махабхараты археологически трудно подтвердить, скорее, этот сюжет выступает философско-культурологической базой идеальной древнеиндийской культуры.

«Ведическая культура» – это идеальное понятие, которое описывает порядок организации жизни в некотором условном древнеиндийском социуме. Ведическая культура относится к культурным и религиозным практикам, основанным на Ведах, которые играют основополагающую роль в древнеиндийской цивилизации. Она включает в себя традиции, формирующие духовность, ритуалы и социальные нормы. Ведическая культура сыграла решающую роль в развитии индуистской философии и ценностей, которые также берут свое начало в Аюрведе. Эта культура считается важнейшей основой этических и социальных структур Индии. Однако отмечается, что ее значение со временем снижается, что может привести к утрате культурной идентичности.

Ведическая культура охватывает многочисленные аспекты древних индийских традиций, уходящих корнями в Веда и другие писания. Вастушастра занимается архитектурой и творческим строительством, подчеркивая связь с космическим порядком. Аюрведа – учение о здоровьесбережении и заботе о теле и уме. Религии Индии весьма разнообразны, синкретичны и интуитивны. Рассмотрим религиозный фактор на примере одного из наиболее рациональных учений – вайшнавизма. Это крупное течение в индуизме, которое основано на поклонении Вишну и уходит в историю Вед и других ведических текстов (агамы, тантры). Другими важными источниками вайшнавизма стали Пураны (нарративы), которые хранят культурное наследие и исторические легенды.

Ближайшие культурологические синонимы для термина «ведическая культура» – это «иудейская культура», «христианская культура», «исламская культура», «буддийская культура» и т. п. Все эти категории фиксируют некий идеал правильной жизни, который во многом поддерживается не только этическими нормами, но и некоторыми священными нарративами. Реальная датировка этой «вечной истории» зачастую весьма затруднена, так как наталкивается на сопротивление верующих признать эволюционистскую модель развития общества. С критической точки зрения священная история верующих – это миф, выполняющий функцию скрепы устойчивости. В радикальном материалистическом дискурсе миф выполняет функцию деконструкции, в то время как в феноменолого-экзистенциальном миф служит естественной формой описания и соотношения. Говоря о ведическом мифопоэзисе, мы не подвергаем сомнению вопрос о его истинности, а снимаем антиномии внутреннего/внешнего, субъективного/объективного, ценностного/инструментального, легендарного/исторического. Достоверность действий героев Махабхараты во многом психологическая, они актуализируют такие паттерны, которые могут быть соотнесены с современным мышлением и поступками. В этом смысле скандинавская мифология или мифология индейцев кечуа выглядит уже как мифология с потерянными ключами. Современное индийское мировоззрение подпитывается Махабхаратой и продолжает её интерпретировать, добавляя в кинематографические сюжеты

современные гуманистические и феминные темы. Это же происходило и ранее, условно в эпоху Мадхвы в Средние века также существовало несколько региональных версий Махабхараты со своими локальными вставками и толкованиями. Изначальный протомиф обрывает местными конвенциями и актуализациями.

Из-за недолговечности материала, на котором записывались Веды, возраст дошедших до нас манускриптов не превышает нескольких сотен лет. Древнейшие манускрипты «Ригведы» датируются XI веком [10].

Большинство учёных сходится на том, что до того, как Веды были записаны, в течение многих веков существовала устная традиция их передачи. Ранняя датировка ведической литературы, согласно современной историографии, насчитывает 3,5 тысячи лет. Религиозная традиция индуизма придерживается иной точки зрения, значительно удревляя время создания Вед – до 5000 лет.

Фантастические датировки ведической культуры не коррелируют с эволюционной антропологией и перекрестной историографией. Огромные космологические промежутки существования можно объяснить спецификой индийского мифотворчества, которое интегрирует эзотику, математику, а также демонстрирует усталость от событийности. Арабская и китайская мысль историчны, в то время как древнеиндийская история мифопоэтична и выводит план событий на вселенский уровень, размышляя масштабами миллионов лет и предлагая иную системную закономерность, диалектику

событий, связанных с происхождением, жизнедеятельностью и разрушением всего материального мира. Показательна в этом отношении Бхагавата пурана – одно из наиболее комментируемых вишнуитских произведений. Несмотря на то что оформилась Бхагавата пурана в раннем Средневековье, отдельные её сюжеты, нарративы, вставки восходят к протоведийским временам.

Всё произведение состоит из двенадцати самостоятельных произведений (скандх), построенных по традиционной циркулярной схеме: 1. Творение. 2. Космическое проявление. 3. Статус кво. 4. Четвёртый этап творения. 5. Движущая сила творения. 6. Обязанности человека. 7. Наука о Боге. 8. Сворачивание космического проявления. 9. Освобождение. 10. Суммум бонум. 11. Общая история. 12. Век деградации. Подобная последовательность, когда сюжеты повторяются в разном обрамлении без уточнения хронологической шкалы, заполняет исторический вакуум и составляет замкнутый цикл пропаганды как систематического воздействия на индивида в социуме. Проблема сегодняшней идеологии заключается в том, что она не может быть целостной, она состоит из разрозненных участков, которые сшиваются пропагандистами вживую. Калейдоскопичность постмодерна и скорость глобальных интеракций не позволяют выстроить целостный цикл пропаганды и универалистскую идеологию, которую мы наблюдаем на примере Бхагавата пураны.

Диалектика событий ведийского культурогенеза подводит их последовательность от творения до века дегра-

дации и относительно новых событий Махабхараты и Бхагавад-гиты. Эти временные циклы вписаны в космическую динамику жизни Брахмы и символику временных отрезков (юг). В основе этой диалектической последовательности (энтропии от Сатья к Кали юге) лежат изменения психологического и, соответственно, социально-экономического характера, а также изменения норм морали.

Период формирования ведийского мифопоэзиса постепенно сменялся в осевое время философско-критическим периодом индуизма, когда социальная система стала порождать внекастовые учения буддизма и джайнизма, ответом на которые стало формирование различных школ Веданты, классической ведийской философской мысли.

Веданта и буддизм являются важнейшими философскими направлениями индийской концептосферы. Оба этих направления выросли на одной духовной почве, они разделяют много базовых идей: 1) эмерджентная циклическая космология, 2) закон моральной причинности, 3) категория обусловленности дживы, 4) преходящий характер земного существования, 5) искупительное значение знания, достигаемого через отречение и медитацию, 6) возможность блаженного и безмятежного состояния, в котором все мирские несовершенства исчезают навсегда. Вместе с тем первоначальное единство двух доктрин только оттеняет сильный контраст. Ранняя Веданта известна нам по старым и средним Упанишадям, по некоторым отрывкам Махабхараты и Пуран, учит «ens realis-

simum» (сущности высшей реальности). Изначальная причина всего существования есть то, из чего все возникло и с которым все вечно связано. Метафизике Веданты противопоставлена плюралистическая философия потока раннего буддизма палийских текстов, который до настоящего времени процветает на Шри-Ланке, в Мьянме и Таиланде. Хинаяна учит, что во всей эмпирической реальности нигде нет ничего устойчивого, ни материального, ни ментального. Многообразный мир поддерживается через причинно-следственную кооперацию преходящих факторов существования (дхарм). Освобождение от самсары не может состоять в повторном поглощении в вечный Абсолют, который лежит в основе всего многообразия, но может быть путем полного устранения всех факторов, которые обуславливают процессы, составляющие жизнь и мир. Буддистская нирвана, следовательно, не может выступать изначальной основой, вечной сущностью, которая лежит в основе всего и образует весь мир (брахман Упанишад), но противоположна всему этому. Ведантисты и буддисты рано осознали пропасть между их доктринами и считали друг друга ограниченными. Вероятно, речь идёт о некоторых психологических пределах понимания и отождествления. Подобно этому идеологические группы – это сообщества людей со сходной идентичностью, неким когнитивным кодом, где групповое мышление далее поддерживает социокультурную устойчивость конгрегации. Для ведантистов буддийская теория бесконечных безличных протеканий представляется

апофеозом процессуализма и эфемеризма, а для буддистов вера в тождество с Абсолютом выглядит примитивным фидеизмом [9].

С позиций Веданты буддизм (шуньявада) ограничивает поле действия диалектики рамками пятью первоэлементами (земли, воды, огня, воздуха, эфира). При этом светская наука и буддизм весьма схожи в своём понимании значения пустоты. И речь идёт не только о квантовой физике и космологии. Шуньята – это необходимая обезличенная концепция управления миром, которая проявляется в математике, абстрактном праве, экономике и теории управления. Персональный уровень – это либо мифы первобытного общества, либо малые религиозные и крипторелигиозные группы глобального безличного социума.

Поле действия (исследований) светской науки (так же как в буддизме) являются пять первоэлементов. Чем отличается светская наука от буддизма? Она идёт по пути технократизма и формальной абстракции. Элементарные начала материальной природы в парадигме Веданты и парадигме буддизма весьма похожи и включают категории грубых и тонких элементов, в Веданте ещё включаются органы действия, познающие чувства и квалиа (танматры).

Академическая наука по сравнению с парадигмой буддизма имеет дело с ещё меньшим количеством факторов, пятью грубыми элементами. Её мировоззренческая парадигма в настоящее время редукционистская. Это объясняется тем, что истиной считается то, что можно проверить с

помощью математики и эмпирики. «Научное объяснение, математическая схема представляют логические подходы, как бы “рациональную сетку”, которую наш разум набрасывает на сложный эмпирически научно охваченный космос. По существу, это есть неизбежное орудие нашей научной работы, но в то же время – это есть искажённое выражение реальности...» [1, с. 21].

Недоступность, отсутствие системного подхода следственно-причинных действий двадцати пяти первоэлементов привели к значительному уровню беспокойств в современном обществе на уровне ума и эго. Буддизм идет несколько глубже, однако там также не хватает трансцендентных знаний. Отсюда имперсонализм (маявада) отвергает философию буддизма как не содержащую знаний о душе. Будда говорит только о материальных элементах, провозглашая парадигму пустоты и эфемерной процессуальности. Гаудия Веданта предлагает наиболее широкий список единиц для анализа, предлагая тело человека как кшетру (поле) развития сознания [7]. Особенно эстетична и развернута в своих антропологических штудиях Гаудия Веданта, что роднит её с отечественными религиозными мыслителями [8].

Существенно, что антропология и этика Веданты выступают универсальным кодом и хорошо коррелируют с авраамическими религиями [4; 5]. Сопоставляя этические кодексы Веданты с этикой Нового Завета, мы получаем впечатление, что заповеди Но-

вого Завета вполне коррелируют с этическими принципами Веданты.

Диалектическая спираль развития ведийского мифологического культурогенеза носит мифопоэтико-энтропийный характер: от Сатья-юги, времени абсолютной религиозности, к постепенному появлению порока в Трета-юге, дальнейшей деградации в Двапара-юге и Кали-юге, времени порока. В связи с энтропией складываются семейные отношения, экономика и вся остальная культурогенетика. Воспроизводство цивилизованного человека – фундаментальная деонтология регулирующих принципов Вед. Это основа формирования социально-экономического процветания с позиций диалектической когнитивности законов грубой материи, тонкой материи, духовных законов (то есть диалектического спиритуализма).

Выводы. Рассмотрев вкратце индийский философско-религиозно-мифологический слой, следует перейти к оценке потенциала мягкой силы в индийской глобализации.

Страна ясно осознает вес своего культурного участия, осознаёт свою дружелюбность и плюральность, что она гармонирует с актуальной многовекторностью. Вместе с тем не стоит преувеличивать привлекательность Индии, ведь она не входит даже в топ десять популярных туристических дестинаций. В индийских списках фигурируют Тадж-Махал и Гималаи, но в международных первые места традиционно занимают другие туристические объекты из таких стран, как Япония, Франция, Италия, Греция, Брита-

ния, США, Турция, ОАЭ, Сингапур, Мексика.

То, что сами индийцы предлагают в качестве своей мягкой силы, весьма специфично, например исторические личности, такие как Ашока, Акбар, Ганди, Неру, Амбедкар, Абдул Калам, Ваджпай, которые вписаны в свой культурно-исторический контекст и не являются планетарными аттракторами мягкой силы, несмотря на свои гуманитарные и политические достижения.

Другим важным элементом мягкой силы является материальное и нематериальное культурное наследие Индии. Нематериальное наследие включает традиции, или живые выражения, унаследованные от наших предков и переданные нашим потомкам, такие как устные традиции, исполнительское искусство, религиозные и культурные фестивали и традиционные ремесла. Индийские религии, музыка, художественные практики, несомненно, представляют самобытные образцы трансцендентной дипломатии, так как коммуникация ведётся поверх этнокультурных обусловленностей. Они, пожалуй, дают самый устойчивый спрос в нише духовного искательства, однако это направление привлекает лишь 10 – 20 процентов людей во всем мире. Эта группа является основным потребителем религиозно-мифологической Индии с её духовными персонами (Кришна, Будда, Шанкара, Рамануджа, Мадхва, Чайтанья,

Рамдас, Мирабаи, Кабир, Рамакришна, Вивекананда, Ауробиндо, Бхактиведанта, Шивананда, Айенгар, Нирмала, Садхгуру и др.), священными текстами (Ригведа, Бхагавад-гита, Махабхарата, Рамаяна, Бхагавата пурана и др.) и, конечно же, санскритом, одним из самых развитых языков в индоевропейской семье.

Особняком стоит йога, особая психофизическая практика, вошедшая во все фитнес-тренинги по всему миру. Опять же культурная ценность йоги не обязательно влечёт в Индию. Йогой пользуются, пускай даже 300 миллионов на всей планете, но большая часть из них не начнёт читать Патанджали и не дойдёт до покупки мастер-класса в Хришикеше, а останется на бытовой практике, не погружаясь в философию читта, виродха, асанга, клеша, яма, брахмачарья, нияма, асана, пранаяма, пратьяхара, дхарана, дхьяна, дхарана, самадхи.

При всём уважении к нематериальному наследию Индии столкновение с реальностью в самой Индии вносит коррективы. В контексте социальных и экономических реалий Индия, вероятно, виновна в преувеличении своего потенциала мягкой силы. Её мировой вклад в религию, искусство, литературу, науку тянут вниз социальное неравенство, массовая бедность, насилие по отношению к женщинам, загрязнение окружающей среды, кастовость.

Библиографические ссылки

1. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. В 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1975. 173 с.
2. Москалев Ю. Н. Мировоззренческий аспект категории ценность в политэкономии и концепция методологии предмета // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее. Т. 2. СПб. : Ин-т нового индустр. развития им. С. Ю. Витте, 2019. С. 292.
4. Москалёв Ю. Н., Тимошук А. С. Традиционный фактор в социально-экономических процессах // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4. С. 224 – 227.
5. Москалёв Ю. Н., Тимошук А. С. Этический фактор в социально-экономических процессах // Система экономической сферы общества. Н. Новгород : Гладкова О. В., 2012. С. 66 – 70.
6. Москалёв Ю. Н., Тимошук А. С. Современное индийское политическое мифотворчество и политэкономия // Духовные стратегии устойчивого развития: экотеология, философская антропология, философия культуры, востоковедение : материалы междунар. науч.-практ. конф. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023. С. 76 – 87.
7. Тимошук А. С. Проблема исключительности человеческой жизни в философской школе веданта-даршаны // Проблема человека: мультидисциплинарный подход. М. : Олита, 1998. С. 175 – 179.
8. Тимошук А. С. Метафизика любви В. С. Соловьева и эстетическая веданта // Владимир Соловьев и философско-культурологическая мысль XX века. Иваново, 2000. С. 78 – 80.
9. Stcherbatsky T. The Doctrine of the Buddha // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1932. Vol. 6. Issue 4. February. Pp. 867 – 896.
10. The Two Oldest Veda Manuscripts. Facsimile Edition of Vājasaneyi Samhitā 1–20 (Samhitā- and Padapāṭha) from Nepal and Western Tibet (c. 1150 CE) // Edited by Michael Witzel. Harvard University Department of South Asian Studies. 184 p.

A. S. Timoshchuk

INDIA: THE DIALECTICS OF MODERNISATION

India placed a bet on the United States in February 2025. Will India be able to maintain its middle way? Will India become a superpower? Will India become an alternative to China? How does its mentality differ from its neighbors? What are the strategies of Indian cultural genesis? The article raises the question of India's global role in planetary development; identifies the reason for categorical variability in terms of socio-economic relations and conceptualization of culture; analyzes the Vedic ideal of sustainability from the perspective of the future of planetary civilization. The article presents the dialectical structure of the relationship between the material world and the phenomenology of the spirit in the Indian interpretation.

Ключевые слова: Indo-Aryans, Vedas, India, Bharata, soft power, dialectical spiritualism, dialectic of myth, modernization, sustainable development.

УДК 140.8

М. О. Фролов, В. А. Ерофеева

ФИЛОСОФСКИЙ БАЗИС СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА – ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Достижения в области технологий в XXI веке имеют тенденцию к более глубокому и всестороннему внедрению в жизнь человека, что формирует техногенное окружение и зависимость от неё у широких слоёв населения. Увеличение взаимодействия в рамках развития технологического прогресса и глобализации приводит к усилению взаимозависимости между различными регионами и странами и по своей сути является маркером формирования нового техногенного уклада жизни. В статье рассматриваются концепции технологического уклада жизни в современном обществе и его философский базис, с помощью которого обосновываются культурные, социальные и политические изменения. Актуальность исследования заключается в развитии философского знания в рамках общенаучного и социально-гуманитарного дискурса в XXI веке. На базе опубликованных исследований в этой области был проведён историографический обзор формирования технологического уклада и рассмотрено его влияние на современное общество.

Ключевые слова: технологии, философия, общество, культура, исследование, современность, техносфера.

В ходе взаимодействия человека с законами природы и при желании облегчить себе жизнь появляется специфический продукт, который используется только людьми, – технологии. Технологический ресурс можно определять с учётом сложной природы этого явления, важным также будет и то, как рассматривается генезис, проистекает эволюция и формируется современная интерпретация такого сложно-устроенного понятия. Стоит отметить, что в ходе рассмотрения эгоцентрического и антропоцентрического подходов прослеживается их недостаточность для решения данной проблемы, так как их базовая установка сводится

к тройственной структуре. Она состоит из последовательного взаимодействия природы, общества и технологии в рамках современного глобального мироустройства. Этим всем и обосновывается желание многих исследователей создать и использовать универсальную технологию для постройки технологической среды и дальнейшего её масштабирования на все страны.

Развитие технологической среды и её влияние на общество XXI века были рассмотрены в целом ряде недавних исследований, которые отличаются как областями применения, так и подходами к рассмотрению проблем. Первым стоит рассмотреть статью

Е. А. Дергачевой, в которой она рассматривает особенности технологического переходного периода в современной биосфере [9]. В своей работе она указывает также и на отрицательные аспекты воздействия техногенных процессов на природу. В рамках своего исследования Е. А. Дергачева описывает проблему, при которой современные технологически устроенные системы глобализации приводят к разрушению традиционной биосферы и замещению её техносферой на основе научно-технических производственных сил. При помощи глубокого взаимодействия социальной, техносферной и биосферной систем происходит усиление технологической глобализации в мире, что в свою очередь позволяет по-новому интерпретировать процессы и тенденции в философском дискурсе современных исследований [9].

Похожая работа была проделана Т. А. Тюриной, в рамках которой было изучено взаимодействие технологического прогресса и биосферы. В своём исследовании автор поднимает проблему формирования нового эколого-технологического взгляда в рамках современного научного дискурса и появления так называемого «экоосознательного» человека [11].

Стоит отметить и исследования И. С. Шаповаловой и Г. И. Гоженко, а также работу С. И. Щербаковой, в которых поднимается вопрос о технологиях как неотъемлемой части современного общества и их воздействии на социально-культурную сферу общества. В приведённых выше работах рассматриваются проблемы теоретического изучения существования и развития техносферы, а также трансфор-

мации образа жизни в XXI веке. В данных исследованиях проводится анализ таких понятий, как «техносфера», «техническая реальность» и «техногенез», благодаря чему можно более подробно рассмотреть специфику взаимодействия технологической среды и биосферы с позиции разных исследователей. Авторы указывают на основные направления развития технологий, а также описывают перспективы изменения общества в текущих условиях. Подводя промежуточный итог, можно отметить, что большинство исследователей считают крайне важным подробно изучить технологическое развитие общества, а также его влияние в рамках современного мироустройства [5, с. 55 – 57; 12].

В рамках современного философского и общенаучного дискурса существует множество подходов для изучения технологического развития и его влияния на общество. Социоприродный подход изучает многофакторное взаимодействие между техногенной средой и жизнью человека, развитие и поддержание устойчивой связи в рамках их взаимовлияния. С одной стороны, такая взаимозависимость порождает более комфортные искусственные условия жизни людей, она помогает покрыть физические потребности и оказывает поддержку в быту, но с другой – антропогенное влияние, которое оказывает человечество, всё больше негативно воздействует на биосферу. Исходя из этого, исследователи делают различные выводы и прогнозы относительно дальнейшего пути технологического развития. Некоторые учёные придерживаются мнения, что в ходе такого развития людьми будет

окончательно потерял контроль над современной техногенной реальностью из-за её всё более сложного и многостороннего устройства. Однако есть и альтернативное мнение, что целью таких технологических преобразований являются более сильный контроль над техносферой и создание подконтрольной искусственной окружающей среды, в которой люди будут чувствовать себя более комфортно.

Если обращаться к традиционным подходам, то в их рамках глобальной техносферы не существует. Но исследователи могут рассматривать технологическую сферу жизни общества как реально существующий объект и через это можно будет раскрыть единство техногенной среды на уровнях развития, которые можно наблюдать и исследовать. Таким образом, на базе эмпирических и теоретических исследований можно сформировать новый техноцентричный подход. Подчёркивать единство техногенной и природной сферы как некоего источника глобальных преобразований помогает экоцентрический метод исследования. Антропоцентрический подход, в свою очередь, делает упор на единство технологической и генетической соизмеримости всех техногенных объектов, созданных человеком. Множество исследователей старались дополнить уже сформированные теории и предлагали собственные идеи для устойчивого развития в данной сфере [4, с. 110].

На основе вышеописанного можно констатировать тот факт, что есть возможность разработать другие подходы и методы к изучению техносферы, основанные на отличной теоре-

тической и методологической базе. В качестве примера можно отметить такие, которые понимают технологию как некий исторически заложенный базис и социально-культурный способ по изменению окружающей среды. Благодаря этому можно проследить путь появления социально-природного подхода, но при этом возникает вопрос: возможно ли сохранить чёткое определение техносферы, если каждый из подходов имеет различную трактовку этого понятия? С. С. Неретина отмечает, что в отличие от уникальной формы данного определения концепт техносферы может формироваться как некая субъективная актуализация, которая функционирует в рамках процесса коммуникации между субъектами.

Различные изменения в биосфере из-за техногенных катаклизмов доказывают, что наша планета как некий социоприродный организм теперь зависит не только от человека, но и от способности экосистемы Земли противостоять таким негативным влияниям. Американский исследователь Майкс Адамс в своих трудах предлагает рассмотреть влияние западного образа жизни как одну из ключевых причин появления техногенных кризисов. Он считает, что без интенсивного развития науки и техники, а также идеологической подпитки западная цивилизация утратит лидерство в мире, что и побуждает всё более быстрыми темпами развивать техносферу [1]. Однако есть и альтернативное мнение исследователей из Европы, которые утверждают, что такое ускоренное развитие поспособствовало уменьшению необходимости физического труда, а также

увеличило общий интеллектуальный уровень населения [6, с. 12 – 13].

Некоторые учёные выбрали целью своего исследования влияние так называемых «больших данных», или «big data», на общество. В ходе работы они выделили как отрицательные черты, например уменьшение конфиденциальности данных, так и положительные, ими могут служить новые высокоинтеллектуальные технологии и искусственный интеллект [3, с. 668]. Однако ещё в начале XX века такие исследователи, как В. И. Вернадский, Э. Леруа и П. Тейяр де Шарден, рассматривали новые на тот момент факторы, появление которых было вызвано техногенными изменениями в обществе. Это были и гоминизация биосферы, и формирование собственной техносферы с городами и промышленными кластерами, где технологическая составляющая доминировала над природной. Финальным этапом в рамках таких преобразований должно было стать становление нового антропогенного уровня эволюции – появление ноосферы. В своих трудах Вернадский описывал технологическую деятельность человека как один из позитивных факторов, которые воздействуют на биосферу. Он подчёркивал, что благодаря этому человечество создаёт благоприятные условия для осваивания областей, где ранее проживать было невозможно из-за природных причин [7, с. 90].

Среди отечественных учёных стоит отметить концепцию А. М. Ковалёва, которая сочетает достижения формального, постиндустриального и цивилизационного подходов в рамках единой методологии. Его подход за-

ключался в рассмотрении изменения методов производства в рамках естественных процессов и признании социальной и природной стороны общества как общей цивилизационной целостности. Основной идеей А. М. Ковалёва является исключительность человечества как драйвера ускорения развития окружающей среды и биосферы, а также в выходе на совершенно иной уровень в обеспечении её организации и гармонии. Однако он отмечал, что современное общество поднимает вопрос не о трансформации природных объектов и явлений в соответствии с человеческими потребностями, а о изменении самих людей в соответствии с фундаментальными законами природы [8, с. 55 – 57].

На необходимость развития в рамках социоприродного подхода также указывает в своих трудах и Е. С. Демиденко. Метапонятия, используемые для описания исторического развития, не отражают полностью изменений, происходящих в природной среде в рамках прогресса человечества, наоборот, они показывают человека как некий отделённый от окружающей жизни процесс, слабо связанный с природой. В рамках своего исследования Е. С. Демиденко подчёркивает важность дихотомии основных эволюционных этапов: первый – это генезис и трансформация всей биосферы в глобальное общество, а второй – изменение с помощью биосферной революции присваивание нового названия этой «новосфере» [Там же, с. 121].

Заключение. Анализируя и систематизируя исследования зарубежных и отечественных учёных, можно выявить разделение социально-природных факторов на геогенные,

биогенные и антропогенные. Исследователям ещё предстоит определить удельный вес всех этих составляющих и степень их влияния в рамках изучения различных исторических эпох. Так как некоторые процессы, например геологические, достаточно инертны, то их рассмотрение возможно только в рамках эмпирических данных о технологических инновациях и изменениях, которые происходят в атмосфере, гидросфере, почве и других составляющих.

Проведя историографический обзор, можно рассмотреть, как менялась научная мысль со временем по отношению к технологиям и их философско-культурному влиянию на мироустройство. Можно констатировать, что человек не в полной мере имеет контроль над производственной средой. Наше функционирование зачастую можно назвать самостоятельным в основных аспектах, которые касают-

ся формирования технических систем и изменения природы под собственные нужды, а также появления непредвиденных социокультурных преобразований в рамках общества.

Подводя итог, можно отметить, что в рамках современного мироустройства технологии являются основой для создания новых философских, социальных и культурных смыслов в обществе, а также для дальнейшего процесса социализации и развития. Невозможность управления технологической реальностью в мире XXI века – одна из серьёзнейших проблем, которая привлекает множество исследователей для поиска её решения. Получение же контроля, по мнению исследователей, чьи труды приводились ранее, откроет новые возможности для дальнейшего развития общества нового типа и трансформации человечества как новой социокультурной общности.

Библиографические ссылки

1. Adas M. (2015). *Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance*. Ithaca: Cornell University Press.
2. Bell D. (1999). *The Upcoming Post-Industrial Society*. Social Forecasting Experience. Moscow: Academia.
3. Berdyaev, N. A. (1989). Human and machine. *Questions in Philosophy*, 2. Pp. 160 – 169.
4. Boyd D. M., & Crawford K. (2012). Critical questions for big data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information Communication and Society*, 15(5). Pp. 662 – 679.
5. Dash, R. K., & Mercure J. F., Pollit H., Bassi, A. M., Viñuales J. E., & Edwards N. R. (2016). Modeling complex systems of heterogeneous agents to better design sustainability transitions policy. *Global Environmental Change*, 37. Pp. 102 – 115.
6. Shapovalova I. S., Gozhenko G. I. (2015). The concept of technosphere: An analytical review of formation and study. *Scientific Result. Sociology and Management Series*, 2. Pp. 51 – 57.
7. Young M. S., Brookhuis K. A., Wickens C. D., & Hancock P. A. (2015). State of the science: mental workload in ergonomics. *Ergonomics*, 58(1). Pp. 1 – 17.

7. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / предисл. Р. К. Баландина. М. : Айрис-пресс, 2004. 576 с.
8. Демиденко Е. С. Ноосферное восхождение земной жизни : моногр. сб. ст. по соц.-эколог. тематике. М : МАОР, 2003. 246 с.
9. Дергачева Е. А. Особенности глобальной техносферизации биосферы в современную эпоху [Электронный ресурс] // Век глобализации. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-globalnoy-tehnosferizatsii-biosfery-v-sovremennuyu-epoxy> (дата обращения: 15.03.2025).
10. Косиченко А. Г. Возможности религии в снижении уровня вызовов и угроз современности: философско-политологический анализ : монография / под общ. ред. З. К. Шаукеновой. Алматы : Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 200 с.
11. Тюрина Т. А. Эколого-техническая картина мира как императив устойчивого развития современной цивилизации [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2018. № 4-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologo-tehnicheskaya-kartina-mira-kak-imperativ-ustoychivogo-razvitiya-sovremennoy-tsivilizatsii> (дата обращения: 15.03.2025).
12. Щербакова С. И. Социально-философское осмысление образа жизни в техногенном обществе [Электронный ресурс] // Вестник ВятГУ. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskoe-osmyslenie-obraza-zhizni-v-tehnogennom-obschestve> (дата обращения: 15.03.2025).

M. O. Frolov, V. A. Yerofeeva

THE PHILOSOPHICAL BASIS OF MODERN TECHNOLOGICAL SOCIETY – A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Advances in technology in the XXIst century tend to be more deeply and comprehensively introduced into human life, which creates a technogenic environment and dependence on it among the general population. Increased interaction within the framework of technological progress and globalization leads to increased interdependence between different regions and countries and is essentially a marker of a new technogenic way of life formation. This article examines the concepts of the technological way of life in modern society and its philosophical basis, which is used to justify cultural, social and political changes. The relevance of the research lies in the development of philosophical knowledge within the framework of general scientific and socio-humanitarian discourse in the 21st century. Based on published research in this area, a historiographical review of the technological order formation was provided and its impact on modern society was considered.

Keywords: technology, philosophy, society, culture, research, modernity, technosphere.

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ ТЕХНОСФЕРЫ

Технология – это специфический продукт, созданный людьми для улучшения и упрощения их жизни. В статье исследуются многофакторная природа технологического прогресса, генезис, эволюционное развитие, а также современная интерпретация концепций в рамках техносферы. Обосновывается необходимость в создании и внедрении в научный дискурс универсальной технологической базы, с помощью которой будет возможно конструировать целостную техногенную среду с перспективой её дальнейшего расширения в глобальном масштабе. На основе ранее опубликованных исследований в этой области был проведён философский анализ современных подходов для изучения формирования техногенной среды, а также изучено влияние, которое оказывает на общество технологический прогресс.

Ключевые слова: технологии, философия, подход, анализ, общество, техносфера, окружающая среда.

Каким может быть основное направление в рамках социально природного развития? При достижении условной свободы от влияния различных природных условий зависимость людей от техносферы или, другими словами, искусственной среды, постоянно возрастает. Такой ход событий можно наблюдать, если идет рост объёма и разнообразия в техногенной среде, окружающей человека. Но отсюда же исходит и уменьшение биосферы, происходит разрыв человека с биосферными ритмами, а также начинается процесс разложения и деградации различных биологических характеристик и многое другое. При развитии технологического прогресса техногенные силы и системы начинают оказывать всё большее влияние на жизнь общества, нежели природные явления [7].

Формирование нового подхода к изучению техносферы, который сможет предложить более гибкий инструментарий для уже зарекомендовавшего себя эмпирического материала, может быть полезным только при условии наличия в нём эвристического потенциала. Предполагаемый новый метод будет направлен на нахождение границ и источников самостоятельного бытия техносферы. От эгоцентрического подхода, в котором ключевым фактором было условие трансформации природной среды для поддержания нормальной жизнедеятельности человека, в новом будет учтена возможность контролировать техногенную среду при оставлении полного контроля над природной составляющей [4].

Главным отличием от антропоцентрического подхода можно будет считать неокончательную управле-

мость и контроль всех техногенных процессов, включая даже социальные и культурные. Такой подход в рамках технического развития хоть и имеет некоторые негативные черты, позволяет добиться более весомых результатов, так как биосфера будет способна поддерживать без вреда для себя большее число людей и обеспечивать их дальнейшее развитие. Но всегда в подобных вопросах стоит помнить о том, что такие кардинальные изменения в природе могут привести к разбалансировке биологической «гармонии» на нашей планете, и в итоге – к угрозе для всего человечества.

Как многие понятия и вещи, созданные человеком, технология как некий набор инструментов двойственна. Сам факт такой дихотомии является естественным, так как всё это подтверждает структурную сложность окружающей среды и человечества как её части, отсюда же исходит и понятие искусственности, так как техногенная среда отделяет людей от природы [5, с. 80]. Такое сложноустроенное понятие, как «техносфера», отображает в себе характерные черты технологической среды, последовательно выстраиваемой человеком. Связывая эмпирически подтверждённый материал с определёнными категориями и предлагая различные теоретические структуры как базис для понимания текущей техногенной ситуации, исследователи могут прорабатывать обнаруженные логические проблемы в устройстве техносферы, тем самым не допуская кризисных ситуаций. Но стоит отметить, что методы, которые традиционно используются для изучения феномена техносферы, зачастую исследуют

только один какой-либо аспект. Они могут не учитывать важные внешние факторы техногенной среды, оправдывая такое упрощение тем, что их можно свести к внутреннему устройству техносферы. В результате такого неполного изучения техногенной среды описывается её повышенная автономность: она начинает рассматриваться в качестве некоей внешней силы даже в том случае, если методологические и эмпирические предпосылки не дают чёткого ответа о том, можно ли её воспринимать как саморазвивающуюся систему [7].

Если говорить о социально-природном подходе, то он не имеет такого недостатка, так как по сути является симбиозом двух традиционно используемых подходов, а именно антропоцентрического и экоцентрического. Разделяя общий принцип контекстуального анализа техносферы, они тем не менее отличаются в плане устройства системы координат, которой придерживаются. Технология в этих двух подходах обосновывается либо через природную среду, либо целенаправленной техногенной работой человечества. Однако стоит отметить, что оба этих подхода не отражают полной сути техногенной среды, а именно быть неким посредником между окружающей средой и искусственным пространством, выстроенным человеком, что, собственно, приводит к противоречиям при исследовании данных тем по отдельности.

Многие исследователи указывают на влияние различных продвинутых технологий в сфере образования на современное общество и его интеллектуальный потенциал. Так, Ван

Сюзли в своих работах изучал, как окружающая среда влияет на выбор студентами технических специальностей, а в то же время другая группа исследователей изучала, какие возможности и негативные эффекты вызывает использование телефонов во время занятий [3, с. 1103]. Американские учёные также проводили похожие исследования с целью поиска взаимосвязи между технологическими новшествами и поведением молодёжи, особенно в школьной среде [4]. Отечественный специалист В. Д. Симоненко отмечает, что предлагаемый комплексный подход поможет исправить те ошибки, которые сформировались в рамках исследования с помощью традиционных методов, и техногенная среда станет полноценным посредником, а не внешним раздражителем [6, с. 110 – 112].

Переходя к социоприродному подходу, следует отметить, что он делает упор на противоречивость влияния технологий на окружающую людей сферу жизни. Он одновременно создаёт комфортный фон в рамках искусственной среды и помогает удовлетворить материальные потребности, но в то же время негативно влияет на окружающую среду, а через это и на социокультурные процессы. Основными целями социоприродного развития исследователями считаются трансформация биосферы и постепенный переход к техносфере [7]. Но стоит отметить, что растущее влияние технологических систем на природу и социум уже сейчас приводит к негативным изменениям. Как пример можно привести снижение количества зелёных насаждений в городах, из-за этого

ухудшается качество воздуха, а это сказывается на здоровье городского населения: повышение тревожности, рост количества респираторных заболеваний, развитие аллергической реакции на пыль, смог и т. д.

Настоящей причиной технологических кризисов согласно социоприродному подходу является противоречие в техносфере между неконтролируемым характером техногенной среды как системы и просчитанными функциями отдельных технических инструментов и технологий. Как считают некоторые исследователи, человечество не сможет полностью преодолеть такое противопоставление, а единственная возможность заключается лишь в замедлении и смягчении грядущего техногенного кризиса. Анализируя возможные пути выхода из сложившейся ситуации, можно прийти к выводу, что современное общество формирует и использует научно-технический прогресс для дальнейшего развития в целом. Такие механизмы помогают более устойчивой трансформации техногенной среды при уже сформированной потребности человека к дальнейшему развитию.

При философском анализе предыдущих исследований в данной области можно прийти к выводу о причине цивилизационного кризиса. Она заключается в понимании дихотомии изменения как внешней, так и внутренней среды общества. На это также влияет наличие установок в массовом сознании, что, в свою очередь, подразумевает наличие адаптации окружающей среды к человеку и наоборот. Такая сложная трансформация подразумевает и непредсказуемые

последствия для общества и природы в целом. Таким образом, в основе большого количества негативных тенденций в рамках современного общества лежат человеческая сущность и его материальные поступки.

Влияние технологий на окружающую нас действительность с такого ракурса исследований рассматривалось многими учёными, собственно, технологические новшества влияют на самые разные сферы жизни, в том числе на журналистику и туризм [1, с. 760]. Говоря о кризисе современной цивилизации, А. Печчеи выделяет главной проблемой тот факт, что человечество не смогло полноценно и культурно адаптироваться к изменениям, которые мы сами и привнесли в этот мир с помощью технологий [2, с. 701 – 702].

Заключение. В рамках философского анализа современного технологического развития в обществе исследователи обращают повышенное внимание на качество функционирования искусственной среды человека. В данной статье показан путь развития технологий как базиса для поддержания собственной жизнедеятельности человека, что привело к созданию техногенных систем и механических комплексов. Их рост и усиление связей между отдельными элементами позволяют сформировать из них и изучать новый техногенный слой Земли. Отсюда исходит, что философский анализ и подходы, которыми пользуются исследователи, должны по умолчанию сопровождаться изучением результа-

тов в рамках технологического развития. Рассмотрев полученные данные, в соответствии с целями и задачами можно прийти к нескольким выводам.

Во-первых, можно констатировать, что технологические преобразования происходят по двум сценариям. В первом будет усиление динамики с помощью внутренних законов развития и широты техногенного творчества в обществе. Во втором жизненно важные потребности, которые задаёт общество, влияют и на направления технологического прогресса, определяя пути развития и цели.

Во-вторых, изучая техносферу, мы актуализируем теорию и практику, а также осмысливаем её как философскую проблему общества. Также в рамках статьи были определены характерные черты технологической среды общества, которые отличают её от биосферы, ноосферы и прочего. Она формируется человеком и для него только в ходе социально-экономического взаимодействия и желания изменить окружающий мир, для её функционирования требуются многочисленные ресурсы, например геологические и биологические, которые впоследствии превращаются в антропогенные отходы.

В-третьих, создание инноваций возможно только с помощью целенаправленных усилий отдельно взятого человека и общества в целом. Поэтому, согласно современной философии, технология воспринимается человеком как деятельность, направленная на по-

лучение контроля и результатов в рамках техногенных процессов.

В-четвёртых, сформировалось понимание, что антропогенные и техногенные компоненты нельзя рассматривать как отдельные части, поэтому современные инженеры используют в своей работе системные концепции и анализ, а также элементы других общенаучных подходов.

Нужно отметить, что некоторые исследователи считают более важным изучить техногенные воздействия на окружающую среду и общество, так как понимание технологического устройства современного мира поможет систематизировать уже сформированные концепции для дальнейшей разработки программы трансформации человечества в новом «техномире».

Подводя итог, важно отметить, что в современном технологически продвинутом мире технологии являются механизмом для создания новых культурных парадигм, а также инструментом развития общества и индивида. Потеря управляемости над техногенной реальностью современным человеком может привести к огромным проблемам в самых различных областях: от войн и конфликтов за технологии до загрязнения окружающей среды и её истощения от добычи ресурсов. Именно поэтому сохранение контроля над технологиями будет важным фактором дальнейшего успешного и эволюционного пути развития для человечества.

Библиографические ссылки

1. Gretzel, U. (2011). Intelligent systems in tourism. A social science perspective. *Annals of Tourism Research*, 38(3). Pp. 757 – 779.
2. Peccei A. (1985). *Human Qualities*. Moscow : Mysl. Pyrin, A. G. (2003). *Environment*. In *Global Studies: Encyclopedia*. Moscow : Raduga. Pp. 700 – 709.
3. Wang X. (2013). Why students choose STEM majors: Motivation, high school learning, and postsecondary context of support. *American Educational Research Journal*, 50(5). Pp. 1081 – 1121.
4. Ильин А. Н., Данилова И. Ю. Техносфера как основание современной жизни [Электронный ресурс] // Управление техносферой : электрон. журн. 2018. Т. 1. Вып. 2. URL: <http://f-ing.udsu.ru/technosphere> (дата обращения: 15.03.2025).
5. Рапп Ф. *Философия техники в ФРГ* [Электронный ресурс] : сб. ст. ; пер. с нем. и англ. / сост.: Ц. Г. Арзаканян, В. Г. Горохов. М. : Прогресс, 1989. С. 75 – 89 // Центр гуманитарных технологий. 28.08.2010. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3132/3134> (дата обращения: 15.03.2025).

6. Симоненко В. Д. Технологическая культура и образование (Культурно-технологическая концепция развития общества и образования) / предисл. Э. С. Демиденко. Брянск : Изд-во БГПУ : Науч.-метод. центр «Технология», 2001. 213 с.

7. Шаповалова И. С., Гоженко Г. И. Понятие техносферы: аналитический обзор формирования и изучения [Электронный ресурс] // Научный результат. Социология и управление. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tehnosfery-analiticheskiy-obzor-formirovaniya-i-izucheniya> (дата обращения: 15.03.2025).

M. O. Frolov, V. A. Yerofeeva

MODERN PHILOSOPHICAL APPROACHES WITHIN THE STUDY OF THE TECHNOSPHERE

Technology is a specific product created by people to improve and simplify their lives. The article explores the multifactorial nature of technological progress, genesis, evolutionary development, as well as the modern interpretation of concepts within the technosphere. The article substantiates the need to create and introduce a universal technological base into scientific discourse, with the help of which it will be possible to design an integrated man-made environment with the prospect of its further expansion on a global scale. Based on previously published research in this area, a philosophical analysis of modern approaches to studying the formation of the man-made environment was conducted, as well as the impact that technological progress has on society.

Keywords: technology, philosophy, approach, analysis, society, technosphere, environment.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРАХОВ Роман Васильевич – студент Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ), г. Владимир
barahovroma@gmail.com

БУЛЮКИН Дмитрий Александрович – выпускник аспирантуры кафедры истории Костромского государственного университета, г. Кострома
bulykindima@yandex.ru

ГУРИНА Валентина Владимировна – преподаватель Московского финансово-юридического университета (МФЮА)
аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
valentinagurina@gmail.com

ЕРОФЕЕВА Виктория Алексеевна – студентка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир.
fiodaler@mail.ru

ИСКАНДАРОВА Даяна Эриковна – магистрант группы ФОм-124 Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
iskandarova0313@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Екатерина Александровна – кандидат филологических наук доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
e.a.kuznetsova@list.ru

ЛАРИНА Елена Владимировна – соискатель кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ), г. Владимир
учитель истории МОУ СОШ № 6 г. о. Орехово-Зуево, Московская область
lennick@inbox.ru

СЕМЕНОВ Иван Александрович – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир, старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
iasemenov@list.ru

САФРОНОВА Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
natalia_1271@mail.ru

СОКОЛОВА Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент доцент кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
sok.ol@list.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
timoshchuk_as@33.fsin.gov.ru

ФАДЕЕВА Екатерина Александровна – магистрант Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
ekaterinafad20@gmail.com

ФРОЛОВ Максим Олегович – ассистент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
fiodaler@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BARAKHOV Roman Vasilievich – student of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs (VISU), Vladimir
barahovroma@gmail.com

BULYUKIN Dmitriy Aleksandrovich – graduate of the postgraduate program of the Department of History of the Kostroma State University, Kostroma
bulykindima@yandex.ru

GURINA Valentina Vladimirovna – lecturer of the Moscow Financial and Law University (MFUA)
postgraduate student of the Department of History of Russia of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
valentinagurina@gmail.com

YEROFEEVA Victoria Alekseevna – student of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
fiodaler@mail.ru

ISKANDAROVA Dayana Erikovna – master's student of the FOM-124 group of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
iskandarova0313@mail.ru

KUZNETSOVA Ekaterina Aleksandrovna – PhD (Philology)
Associate Professor of the Russian Language Department of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
e.a.kuznetsova@list.ru

LARINA Elena Vladimirovna – applicant of the Department of History of Russia of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs (VISU), Vladimir
teacher of history of Secondary School № 6, Orekhovo-Zuyevo, Moscow Region
lennick@inbox.ru

SEMENOV Ivan Aleksandrovich – lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, senior lecturer of the Department of Philosophy and Religious Studies of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
iasemenov@list.ru

SAFRONOVA Natalia Anatolyevna – PhD (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
natalia_1271@mail.ru

SOKOLOVA Olga Ivanovna – PhD (Philology), Associate Professor of the Russian Language Department of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
sok.ol@list.ru

TIMOSHCHUK Aleksey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir
timoshchuk_as@33.fsin.gov.ru

FADEEVA Ekaterina Aleksandrovna – graduate student of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
ekaterinafad20@gmail.com

FROLOV Maxim Olegovich – assistant of the Department of Philosophy and Religious Studies of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
fiodaler@mail.ru